

ГЛАВА 10

Фашистская альтернатива, 1918–1945 годы

ВСТУПЛЕНИЕ

В ЭТОЙ и следующих главах рассматриваются две основные альтернативы капиталистической демократии: фашизм и коммунизм. Они также были ответом на необходимость вывести массы на авансцену театра власти, но попытались достичь активной мобилизации масс посредством изобретения партии-государства (party-state). Коммунисты первоначально рассматривали партию как активную низовую мобилизацию, хотя, придя к власти, обратили ее в мобилизацию сверху. Фашизм соединял в себе обе мобилизации вначале, но в конечном итоге превратился в такую же мобилизацию сверху.

В главе 6 рассматривались левые революции в Центральной Европе после Первой мировой войны. Когда они потерпели поражение, правые контрреволюции установили более могущественные и деспотичные государства, мобилизовавшие «органическую» нацию под влиянием фашизма. Государство с фашистским уклоном сочетало *инфраструктурную власть* (способность государства проводить политику через инфраструктуры, пронизывающие его территории) и *деспотическую власть* (способность государственных элит принимать собственные своевольные решения). Такое государство было милитаристским, и фашизм был кульминацией долгой традиции европейского имперского милитаризма. Нация в фашистском государстве предположительно не обладала внутренними различиями, была органичной или интегральной, нетерпимой к политическому, этническому и религиозному многообразию; это была реакция против глобализации, возведение укрепленной изгороди вокруг государственных клеток. Многие правые рассматривали массовое общество и парламентскую демократию в качестве расширивших социальные различия, углублявших политический конфликт и создававших хаос и насилие. Карл Шмитт говорил, что партии стали подобными массовым армиям, сражавшим-

ся друг с другом на поле боя. Коррупция рассматривалась как что-то хронически присущее либеральной политике; деспотическое государство, напротив, должно было установить порядок, единство и мораль. Фашизм был наиболее экстремальной формой авторитарного национального этатизма, как я объясняю это в моей книге «Фашисты» (2004). Я отсылаю читателя к ней за более подробной эмпирической и библиографической детализацией по фашизму. Данная глава посвящена обобщению с привлечением самой последней литературы и конкретизации аргументов, которые я выдвинул в этой книге.

Фашизм предполагает предшествующий ему период усиления государства и нации. Европейский милитаризм раздул государственные налоги и военную бюрократию; в ответ классы собственников потребовали представительного правления. По мере того как правители и народ увеличивали свое взаимодействие, государства приобретали больше общественных функций, а их инфраструктуры — автомобильные и железные дороги, почтовые службы, образование — усилили национализацию территорий и населения. Национализм смешался с демократизацией. А потом появилась уверенность, что весь народ должен править, поскольку он разделяет общее наследие и культуру. Это подорвало три мультиэтнические империи (Габсбургов, Романовых и Оттоманов), где конфликты между имперскими правителями и местным населением трансформировались в конфликты между этническими или религиозными сообществами. Местные непривилегированные элиты мобилизовывали свое собственное сообщество против императорской династии. Хорваты, словенцы и прочие народы боролись с турецким и сербским господством, румыны — с венгерским; словаки были возмущены местным чешским господством, и практически все они были возмущены господством немцев, русских и турок, которые, в свою очередь, отвечали на это собственным национализмом. Евреи как космополиты всеми рассматривались как антинациональная сила. Роль государства заключалась не в том, чтобы институционализировать конфликт между интересами, как в либеральных или социальных демократиях, поскольку одна-единственная партия или движение может править и представлять весь народ, как считали марксисты. Классовый конфликт и секционные интересы необходимо было преодолеть.

До 1914 г. националисты призывали государства к мобилизации нации и использованию силы для защиты от разрушительных сил либерализма и социализма. Большинство идей фашизма уже циркулировало, будоража некоторых интеллектуалов, хотя еще не создавая массовых движений. Они контролировались старыми режимами, которые не доверяли массовой

мобилизации и надеялись контролировать массы через консервативные партии, которые были клиентами государства. Государственные функции расширялись, но большинство консерваторов рассматривали государство всего лишь как средство поддержания порядка и расширения территории. Как и у левых, государство еще не было носителем морального проекта.

Если бы в Европе царил мир, рост государств постепенно бы продолжался. Получавшие право голоса рабочие и женщины расширили бы программы социального обеспечения, а умеренно этатистские экономики догоняющего развития процветали бы на полупериферии. Некоторые страны уже ввели ограничения на движение через свои границы, но начиная с 1918 г. паспорта, обеспечивавшие государственный контроль за движением между странами, являлись институционализированной чертой путешествий практически по всему миру. Как заключает Торпи (Тогреу 2000), правительства в возрастающей мере стали использовать национальные документы, включая паспорта, в качестве легального средства «охвата» индивидов, взятия их под свой контроль и исключения чужих. Паспорта стали ключевым путем национализации и улавливания своих граждан в «клетки».

Но во все вмешалась Первая мировая война, милитаризировав национальные государства и наделив их новыми функциями. Даже государства, которые не участвовали в этой войне, из-за блокад были вынуждены ввести карточные системы и активную государственную политику на рынке труда. Хотя большинство институтов военного времени было демонтировано после окончания войны, теперь от послевоенных правительств ожидали сокращения безработицы и нехватки жилья. Политическое гражданство необходимо было дополнить социальным. Ход получили более амбициозные схемы социальной реконструкции и экономического развития. В левом лагере социалисты одержали победу над анархо-синдикалистскими противниками (за исключением Испании) и стали рассматривать революцию или реформу как достижимую через государственное действие. В России Первая мировая и Гражданская войны неожиданно сделали большевиков яркими этатистами. В остальном мире либерализм мутировал в «либ-лаб» или социальные демократии, и умеренный этатизм продолжил свое медленное, но верное движение вперед.

Демократии одержали победу в войне и принудили Германию и Россию к территориальным уступкам; Габсбургская и Оттоманская империи прекратили свое существование. Мирные договоры заменили их новыми национальными государствами, так что к концу 1920-х гг. все 28 европейских государств, за исключением одного, обладали конституциями, которые га-

рантировали парламентские выборы, конкуренцию политических партий и гарантии для меньшинств. В большинстве стран женщины были лишены избирательного права, в некоторых его были лишены многие мужчины, исполнительные органы отдельных стран обладали полномочиями, соперничавшими с законодательными органами, и политические практики приходили в столкновение с конституционными нормами. Но демократия рассматривалась как идеал, к которому нужно стремиться. Перспективы толерантного национализма не были столь радужными. На практике мирные договоры обратили государства к одной доминирующей этничности, а миллионам выходцев из этнических или религиозных меньшинств приходилось бежать на их национальные «родины».

Между 1920 и 1945 гг. демократии были отброшены назад под ударами деспотов справа в ходе процесса, который Хантингтон (Huntington 1991) назвал первой волной отката от демократии. Северо-Западная Европа (Скандинавия, Нидерланды, Бельгия, Франция, Британия и Ирландия) расширили свои репрезентативные формы правления; и все же к 1938 г. 15 из 27 европейских государств были правыми диктатурами, большинство из которых претендовали на воплощение единой органической нации. В других странах четыре бывшие британские колонии с белым большинством (Соединенные Штаты, Канада, Австралия и Новая Зеландия) были демократиями только для белых. Южная Африка и Родезия также обладали парламентскими институтами для белых меньшинств. Два главных азиатских государства (Япония и Китай) стали авторитарными; в Латинской Америке только Уругвай, Колумбия и Коста-Рика последовательно оставались демократиями, тогда как в остальных латиноамериканских странах случались периодические отходы от демократии. Таким образом, в период между двумя мировыми войнами вырисовываются два глобальных блока: один — либерально-демократический, другой — деспотический. Оба стремились к более могущественным в инфраструктурном плане государствам, и лишь один из них — к большей деспотической власти. В его рядах возник фашизм.

Фашисты более рьяно, чем другие, приняли центральную политическую идею нашего времени — национальное государство, мягкая форма которого теперь доминирует по всему миру. Позднее развитие уже вело к несколько более активной роли в экономическом развитии. Государственному социализму суждено было довести это до крайности в России. В век продолжавшегося империализма фашизм также принес форму позднего развития в отношении политической и военной власти. Он также принес (или намеревался принести) отступление глоба-

лизации, поскольку возвел более серьезные национальные барьеры вокруг всех источников социальной власти, за исключением идеологии, поскольку фашистские идеи распространялись по всему миру, способствуя тем же контртенденциям, которые содержались в социализме.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФАШИЗМА

Не следует просто отбрасывать фашистские убеждения как бред сумасшедших, противоречивый и смутный. Фашисты предложили решения волнующих проблем, которые многие современники фашизма нашли убедительными, и добились огромной электоральной поддержки и глубокой преданности активистов. Лишь немногие фашисты действительно были садистами или психопатами либо людьми, исповедовавшими полуосмысленные догмы и слоганы, мелькавшие у них в головах, как полагают некоторые авторы (Рахтон 2004: 16–17). Или по крайней мере это было присуще им не более чем всем нам. Фашизм был движением с высокими идеалами, способным убедить значительную часть двух поколений молодых людей в том, что он может принести более совершенный социальный порядок. Может показаться, что фашизм был несколько более слабой формой секулярной религии спасения, чем марксизм, поскольку его философия истории была в меньшей степени озабочена достижением итоговой утопии, чем поощрением постоянной борьбы между сильным и слабым, между нациями и расами. Это в определенном смысле был фокус скорее на средствах, чем на конечных целях, и все же предполагалось, что через эту борьбу будет создан новый человек — он и был этим утопическим идеалом. И фашисты, и марксисты совершили великое зло не случайно или вследствие возрождения архаики, но как преднамеренное «современное» поведение. Сталкиваясь со сложностями, они не шли на компромисс со своими врагами, а, напротив, радикализировались, занимаясь в некотором роде непрерывной революцией. Разница между ними заключалась в том, что марксисты искажали свои идеалы, в то время как массовое насилие было необходимой и добродетельной частью создания фашистского нового человека.

Существуют две основные школы интерпретации фашизма. Идеалистически-националистическая школа фокусируется на фашистских националистических убеждениях. Она рассматривает фашизм как «политическую религию», воплощающую «мифическое ядро национального возрождения» (Gentile 1990: Griffin, 2002). Эта школа сосредоточивается на представлении

о секулярной религии спасения, которое я обозначил, но она, как правило, отличается описательным подходом и слаба в объяснении, почему подобное мифическое ядро должно было возникнуть именно в 1920-е гг. Материалистическая школа, напротив, фокусируется на фашистской классовой базе, относительно которой утверждается, что она мелкобуржуазная или буржуазная, а также на роли фашизма в спасении капитализма от левых, когда он переживал трудные времена в 1920-е и начале 1930-х гг. (Hobsbawm 1994; Lipset 1963; Poulantzas 1974; Renton 2000; Carsten 1980). Им действительно удалось предложить четкое причинно-следственное объяснение роста фашизма, но оно чрезмерно упрощенное. Баррингтон Мур (Moore 1967) предложил более сложное объяснение, в основе которого — классы и государство, другие авторы выдвинули более детализированные мультифакторные теории, учитывающие тонкие различия между движениями в различных странах (Payne 1995; Paxton 2004). Я последую их примеру, в то же время пытаюсь дать более теоретически интегрированное объяснение в плане четырех источников власти (идеологического, экономического, военного и политического), которые сыграли важную роль в подъеме и упадке фашизма.

Я определяю *фашизм* как стремление к трансцендентному и очищающему национал-этатизму через милитаризм¹. Это определение состоит из четырех основных элементов.

- (1) *Очищающий национализм*. Идеологически фашисты выступали за *органическую нацию*. Чужаки внутри нации и за ее пределами подрывают сплоченность и чистоту нации и должны быть *исключены*. Расовый фашизм типа нацизма был экстремальной формой, прибегавшей к расовым конфликтам, которые до этого использовались европейцами только внутри их заморских колоний, внутри Европы и даже внутри отдельной нации. Последствия этого были ужасными: физическое уничтожение других рас и даже людей с предполагаемыми генетическими дефектами из собственной нации. Это была крайне агрессивная форма внутреннего национализма, в которой расизм, изначально разработанный для того, чтобы объяснить различия между основными макрорегионами мира, был обращен внутрь Европы и самой Германии.
- (2) *Этатизм*. Политически фашисты рассматривали *государственную власть* как «носителя морального проекта», спо-

1. Отмечу, что со времен работы «Фашисты» я заменил компонент «военизированных формирований» на «милитаристский» компонент с целью использовать более общее понятие, которое охватывает и военизированные формирования, и захватническую войну.

собного достичь экономического, социального и морально-го развития через фашистские элиты и корпоративизм. Это была сторона фашизма «сверху вниз» — порядок следовало насаждать сверху. Поскольку нация является органической, ее государство должно быть деспотическим с единой сплоченной волей, выражаемой партийной элитой, придерживающейся «принципа лидерства» и в конечном итоге подчиняющейся единому лидеру. Это было действительно «однопартийное государство», как и коммунистические режимы. Раньше исследователи всегда подчеркивали фашистский тоталитаризм. Сегодня всеми признается, что корпоративистские, синдикалистские и бюрократические элементы были подорваны неистовым радикализмом фашистов, а также необходимостью компромисса с другими акторами власти, такими как церкви и капиталисты. Поэтому фашизм был более тоталитарным в своих целях, чем в реальном правлении. Фашизм слил воедино четыре источника власти, создав однопартийное государство, располагавшее внушительной инфраструктурной и деспотической властью над людьми.

- (3) *Трансцендентность.* Комбинация первого и второго пунктов — это национал-этатизм, который мог трансцендировать социальный конфликт. Фашисты отвергли консервативные представления о том, что традиционный социальный порядок является гармоничным; они отвергли либерал-демократические и социал-демократические представления о том, что конфликт групп интересов нормален для общества; они также отвергли социалистические представления о том, что гармония может быть достигнута через преодоление капитализма. Фашисты атаковали и капитал, и труд. Они утверждали, что решительными мерами примирят их и подчинят нации. Частные интересы будут подчинены национальному интересу, планирование и социальное обеспечение будут насаждаться сверху, а группы интересов будут встроены в государство в рамках синдикалистских или корпоративистских институтов.

Трансцендентность была революционной по своей цели, стремящейся к трансформации всех источников социальной власти. Фашисты, как и большевики, были высокоидеологичны, руководствовались ценностно-рациональными мотивами, но для того, чтобы захватить и удержать власть, фашисты использовали оппортунистические стратегии, идя на уступки капитализму и заключая сделки со старыми режимами. В конечном итоге фашисты не были заинтересованы в капитализме и классах. Их центр притяжения со-

ставляли нация и государство, а не класс. Они, как правило, атаковали не капитализм как таковой, а финансовый, иностранный или еврейский капитализм. В Румынии и Венгрии, где эти формы капитализма преобладали, фашизм был антикапиталистическим и пропролетарским. Тем не менее внутри фашистского движения всегда был конфликт между оппортунистами и радикальными идеологами, которые сохраняли верность трансцендентности. Радикалы потерпели неудачу в вопросах класса, но в ходе этого радикализм перешел от классов к этническим чисткам и полному политическому подчинению индивида режиму. «Все прочее меркнет перед лицом радикальной трансформации в отношении граждан к государственной власти», — пишет Пакстон (Paxton 2004: 142). На самом деле фашизм перенаправил трансцендентность от класса к нации и государству.

- (4) **Милитаризм.** Военная власть доминировала в фашистской организации. До захвата фашистами власти это выражалось в «военизированных формированиях», выстроенных снизу, «сколоченных» воедино, как они это называли. Это был низовой аспект фашистской мобилизации, массовая партия возникла, чтобы свергнуть элиты. Они делали это насильственным путем. Ни одно фашистское движение не было просто политической партией — у фашистов всегда были униформа, марши, оружие и насилие. Военизированные формирования заключали фашистов в «клетку» точно так же, как армии — солдат. Они также добились поддержки многих занимавших нейтральную позицию, поскольку фашистское насилие, как казалось, могло положить конец классовому конфликту. Военизированные формирования не были достаточно сильными, чтобы нанести поражение регулярным армиям. Только когда фашисты подорвали армии, привлекая солдат к своему делу, они могли захватить власть. После этого они стали проводить милитаристскую внутреннюю и внешнюю политику, что привело их к разрушительным войнам, которые вскоре продемонстрировали их спесь. Как мы уже убедились, империализм в течение долгого времени был нормальным явлением, и те, кто пытался выстроить поздние империи в XX в. (за исключением Соединенных Штатов), делали это с большим национализмом и милитаризмом, чем ранние империи. Но именно высокоагрессивный национализм их и погубил.

Сочетание этих четырех элементов сделало фашистов революционерами справа, хотя они и были в большей мере сфокусированы на национальном государстве и трансформации и расширении отношений идеологической, военной и политической

власти, чем на экономических отношениях. Фашисты стремились освободиться от разрушительного воздействия транснационального капитализма и глобализации в целом при помощи политики национальной экономической автаркии. И все же они наделили определенной степенью автономии капиталистов и основные церкви при условии их несопротивления общему командованию партии-государства. Это было основным исключением из фашистских тоталитарных стремлений. Разумеется, между различными фашистскими странами существовали различия. Итальянский фашизм проявлял больше интереса к этатизму и развил корпоративистские и синдикалистские институты; нацисты были в большей мере сфокусированы на расовом национализме. Некоторые полагают, что это препятствует общему определению фашизма, однако я так не считаю. В этой главе я затрону пять основных фашистских движений в Европе — в Италии, Германии, Австрии, Венгрии и Румынии. Однако влияние фашизма было более широким. Умеренно авторитарные режимы заимствовали фашистские идеи и практики; во время Второй мировой войны полдюжины прочих европейских националистических движений заигрывали с фашизмом и присоединились к странам фашистского блока. Фашизм также повлиял на страны Ближнего Востока, Азии и Латинской Америки. Он возвел высокие национальные барьеры против глобализации, но само его распространение было фактически глобальным. В последующих главах будут проанализированы китайское и японское фашистские движения. Фашизм не просуществовал долго; в 1945 г. он был повержен практически повсеместно. Но до этого времени он изменил мир.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФАШИЗМА

(1) *Италия.* Итальянский фашизм возник из конфликтов по поводу итальянского участия в Первой мировой войне. Союз между националистами и провоенными социалистами (каким был и сам Муссолини) привел к появлению первых нескольких сотен фашистов. Когда война закончилась, движение разрослось в военизированные формирования с притоком в их ряды ветеранов войны. Движение проповедовало национализм и этатизм и намеревалось использовать насилие со стороны военизированных формирований, чтобы положить конец разобщенности Италии. Но в Италии было мало этнического чувства нации, и чистки велись только против политических, а не этнических врагов. Стремительный переход к всеобщему избирательному праву для мужчин в Италии вызвал бурные общественные дви-

жения социалистов и католической партии «Пополари» (популистов), и старый режим Италии был разъединен. Католическая церковь рассматривала секулярное государство как своего врага; либеральным и консервативным элитам не хватало народных корней, они также не могли эффективно мобилизовать национализм, потому что втянули Италию в безрассудную непопулярную войну. Райли (Riley 2010: глава 2) отмечает, что в довоенный период элиты, а также растущая социалистическая партия были крайне локализованы. Либерализм Джолитти, который пережил войну и вылился в непродолжительный период демократии, на самом деле был лишь наполовину демократическим. Джолитти правил при помощи парламентских партий, опиравшихся на север, и клиентелизма юга. Либеральная Италия как раз созрела для того, чтобы ею завладели.

Приход фашистов к власти здесь произошел рано, и среди послевоенной турбулентности итальянский фашизм обладал более прямой классовой компонентой, чем фашизм в других странах. Часть высшего класса обратилась к фашистам, чтобы обезопасить себя от мятежа низших классов. Именно так поступили землевладельцы Паданской равнины, атакованные союзами социалистов и популистов, за которыми стояли местные военные и бизнесмены, ориентированные на сельское хозяйство. В остальных областях классовая основа фашистского движения склонялась к средней и особенно нижней прослойке средних классов. Большинство промышленников и банкиров отдавали свое предпочтение полуавторитарным традиционалистским партиям, для того чтобы защитить свои интересы. Фашизм был также в почете у тех, у кого были сильные связи с национализмом или государством, например у военных, полиции и государственных служащих или представителей северо-восточных приграничных регионов, «находящихся под угрозой», которые были непропорционально широко представлены (в рядах фашистов). Насилие военизированных формирований апеллировало к воинственным и макистским ценностям многих демобилизовавшихся из армии молодых людей. Отступление римской элиты от демократии сделало захват власти возможным. Фашистский «поход на Рим» в 1922 г. не встретил сопротивления со стороны государства или армии, и уже вскоре после этого элиты пришли к соглашению с режимом Муссолини. Землевладельцы, капиталисты, армия и церковь были не способны создать собственный консервативный авторитаризм, так что некоторых влекло к заключению сделки с фашистами, а фашистов с ними. Это был прагматичный компромисс, а не непрерывная революция.

Во всех этих событиях участвовали тысячи, а не миллионы людей, исчисляемые тысячами восставшие силы военизированной

ных формирований и предателей демократии со стороны элит. У социалистов и популистов было достаточно людей и голосов, чтобы противостоять фашистам, но у них не было такой численности военизированных формирований, таких сил на общенациональном уровне и желания создать союз центристов и левых. Большинство итальянцев практически не возражали против захвата власти, но не имели к нему отношения. Таким образом, тремя основными факторами триумфа фашистов были унаследованные от войны военизированные формирования, классовая борьба, в которой отдельные классы собственников повернулись к фашизму, и расколотое государство, обе половинки которого (старый режим и демократы) были весьма фрагментированными.

(2) *Германия.* Германия была важнейшей из стран, которые пришли к фашизму. Нацисты были самым крупным фашистским движением, с самыми крупными военизированными формированиями и самой большой долей голосов. В 1932 г. огромная доля голосов фашистов (37%) и голоса их консервативных авторитарных союзников, объединенные воедино, составили абсолютное большинство, и в следующем году нацисты получили контроль над государством в основном законными методами. На протяжении последующих двух лет они установили нацистскую диктатуру и не пошли на какие-либо значимые компромиссы с другими властями предрежащими. Это была их непрерывная революция в погоне за утопическими целями.

Нам многое известно о тех, кто поддерживал нацистов. В отличие от итальянского фашизма в данном случае корреляции между классом и членством в нацистской партии или голосовании за нее не было. Хотя в нацистской партии рабочих было мало, в отрядах штурмовиков (отрядах СА) они были представлены непропорционально широко, как и в гитлерюгенде. Несмотря на то что нацисты не очень привлекали рабочие сообщества городских промышленных центров, их поддерживали рабочие, жившие и работавшие в других областях. Они были партией, которая обладала наилучшей способностью представлять себя бесклассовой. Происхождение их ораторов варьировалось от прусских князей до железнодорожных служащих, от отставных генералов до студентов и рабочих, говоривших с различными акцентами, — олицетворением бесклассовости был сам Гитлер, невысокий капрал с австрийским акцентом. Как и в Италии, сельские классы перешли от недостаточной представленности к избыточной. Многие индивидуальные фермеры (но лишь немногие сельскохозяйственные рабочие) стали нацистами, кроме того, нацисты получали больше под-

держки в сельской местности и провинциальных городках, чем в крупных городах. Как и в Италии, образованная национал-этатистская буржуазия была широко представлена в фашистском движении, включая такие профессии, как государственные служащие, учителя, архитекторы, лесники и ветеринары. Работники физического труда в государственном секторе также были достаточно хорошо представлены отчасти из-за того, что многие из них были бывшими солдатами. Эти группы были восприимчивы к этатистским и народно-националистическим темам нацистской пропаганды. Класс бизнесменов был представлен непропорционально мало, но, поскольку большинство из них поддерживало консервативные силы, они были вовлечены в маневры, которые привели нацистов к власти. Приток образованных молодых людей сделал членов партии и партийных лидеров моложе, чем в других партиях, и они утверждали, что представляют новую молодую Германию. До того как нацисты захватили власть, католики были очень слабо представлены в качестве и членов нацистской партии, и голосующих за нее. В июле 1932 г. 38% протестантов проголосовали за нацистов и лишь 16% католиков поступили так же. Это была большая разница по сравнению с классовыми различиями.

Нацисты не были ни социальными маргиналами, ни неудачниками в экономическом плане. Их карьеры редко давали сбой. В социальном отношении они были в самом сердце гражданского общества, более активными в добровольных ассоциациях, чем сторонники любой другой партии. Это было сильное, но варварское общество. Как и в Италии, фашисты не были представителями основных направлений современной классовой борьбы — лишь немногие были бизнесменами, классической мелкой буржуазией, управленцами в частном секторе или рабочими промышленных городских центров. Их членская и электоральная поддержка шла от людей, которые ощущали себя аутсайдерами по отношению к классовому конфликту, которым надоело смотреть на то, как он раздирает Германию изнутри, что отвечало нацистской приверженности трансцендентности.

К моменту переворота в 1933 г. в нацистской партии состояло более миллиона человек. Они были более активными, чем члены прочих движений: лидеры местного масштаба могли вывести активистов на марш, демонстрацию, захват общественных зданий и уличные драки. Члены партии оставляли работу и полностью отдавали партии себя и свое время. В консервативной и либеральной партиях доминировали нотабли; они не выходили ни на какие марши или демонстрации. Их встречи были благопристойными, демонстрируя уважение к партийной платформе и высокий социальный статус ораторов. Если их собра-

ния срывались решительно настроенными крикунами или физическим насилием, они не могли призвать своих сторонников к решительному коллективному ответу. Они были сокрушены куда большим энтузиазмом и насилием нацистов. Даже социалисты и коммунисты, которые ввели понятие боевого товарищества, были побеждены. Отряды штурмовиков состояли в основном из выходцев из рабочего класса, часто холостых, живущих вместе в казармах; необходимые для существования средства выплачивались им из фондов партии. Как и итальянские *эскадроны* (*squadristi*), они были заключены в «клетку» жизни дисциплинированного товарищества, вместе пили и периодически наслаждались насилием. Части штурмовиков (отрядов СА) отправлялись маршировать в районы, где собирались социалисты и коммунисты, чтобы спровоцировать нападение. Такие уличные драки имели своей целью «боевое сплочение» их членов, запугивание противников и демонстрацию того, что ответственной за насилие была «марксистская угроза» (Merkl 1980: 373). Затем нацистская пропаганда и предвзятая пресса транслировали эти заявления миллионам, которые никогда не были свидетелями прямого насилия. Они обещали, что как только придут к власти, создадут государство, которое наведет порядок.

И вновь старый режим помог фашистам. Военное поражение сбросило монархию и лояльные ей консервативные партии, а также сократило численность вооруженных сил. Старый режим не мог больше править. Поскольку демократия дрогнула в 1930-е гг., консервативные авторитаристы взяли реванш, но им не хватало народной поддержки. С самых первых лет существования веймарской демократии крупный бизнес сопротивлялся ей. Он видел, что нацисты были яркими антикоммунистами и приветствовали принцип лидерства в промышленности. В конечном итоге нацисты поддерживали их власть, а не рабочих. И все же к власти Гитлеру помог прийти не бизнес, а старый режим — военные, государственные служащие, судебная система и консервативные политические партии, которые к 1932 г. исповедовали принцип авторитарного правления. Не имея в собственном арсенале мобилизованных масс, они нуждались в нацистах и наивно верили, что смогут их контролировать.

Нацисты укрепились в результате провала других партий, которые не очень-то успешно проявили себя во время Великой депрессии. Средний класс был отчужден от них инфляцией, рабочий класс — безработицей, падением зарплат и увеличением продолжительности рабочего дня (Weitz 2009: 145). Нацисты также обладали позитивной привлекательностью для избирателей. Нацистская бесклассовость делала притязания на трансцендентность правдоподобными, что демонстрирует Бурштейн

(Brustein 1996), их экономическая программа принесла им много голосов. Она была детализированной, реализуемой, заимствованной в основном у немецких кейнсианцев, но выраженной простыми лозунгами национального единства, которое требовало, чтобы всем немцам дали работу. Нацисты также извлекли пользу из геополитического ревизионизма, возвращения потерянных территорий. Великая держава, негодующая по поводу своих территориальных потерь, втянутая в центральноевропейские трения немецких, еврейских и славянских народов, имела беженцев, границы под угрозой и этнических «врагов» внутри и за пределами государства. В моем исследовании происхождения нацистов, осуществивших геноцид, я обнаружил, что в их рядах было чрезвычайно много бывших беженцев с потерянных территорий и примыкавших к ним пограничных областей (Манн 2005: 223–228). Во время выборов нацисты ограничивали свой антисемитизм, к тому же он редко был для них причиной вступления в партию. Но более общий органический национализм имел широкую привлекательность. Он был достаточно распространенным, для того чтобы привести нацистов к власти. Их военизированные формирования и соучастие старого режима позволили им захватить власть. Класс в гораздо меньшей степени был непосредственной причиной этого, чем в Италии.

(3) *Австрия*. В самом ядре бывшей империи Габсбургов возникли сразу два различных фашистских движения: **австрофашизм** и **австрийский нацизм**. Оба возникли из послевоенных военизированных формирований, требовавших возвращения потерянных территорий и эксплуатировавших интенсивность австрийской антипатии по отношению к славянам и евреям. Австрофашизм был в большей мере основан на старом режиме, устроенном сверху вниз, и являлся прокапиталистическим. Он окреп на фоне политического тупика в отношениях между двумя большими партиями — социал-христианской и социалистической. Этот политический кризис был усилен Великой депрессией. **Нацизм** был более кросс-классовым движением. Приход к власти Гитлера в Германии был переломным моментом, поскольку подорвал привлекательность и австрофашизма, и социализма и был наградой для местных нацистов. Обе группы военизированных формирований устроили перевороты, и обе добились успеха при помощи армий — австрийской и германской соответственно в ходе аншлюса 1938 г.

(4) *Венгрия и Румыния*. В ходе Первой мировой войны эти страны сражались на противоположных сторонах; Венгрия потерпела тяжелое поражение, а Румыния победила. Последовавшая

гражданская война в Венгрии привела к сокрушению левых, позволившему старому режиму возродиться озлобленным и радикализированным. Правление осуществлялось дуалистическим государством, составленным из традиционалистской исполнительной власти и бюрократии и парламента, в котором доминировали джентри. И все же теперь в состав старого режима входили более молодые поколения радикальных правых, выдвигавших ревизионистские требования по возврату потерянных территорий и провозглашавших расизм и антисемитизм. В Румынии положение дел было другим: местное земельное джентри лишилось собственности, но это наряду с военной победой добавило легитимности монархии, бюрократии и армии.

Оба старых режима выжили и радикализировались. Крупные фашистские движения возникли только в середине 1930-х гг., намного позже того, как угроза слева исчезла. Таким образом, у фашистов в этих странах не было капиталистической базы; на самом деле эти движения были скорее пролетарскими по составу, создававшими свои профсоюзы. Румынский фашизм размывался в умеренный корпоративизм в соответствии со стратегией позднего развития экономического теоретика Манойлеску. Румынский легион возглавляли военные ветераны, студенты и сыновья священников, государственные служащие и учителя, которые руководили массой крестьян и рабочих. Имела место сильная взаимосвязь между Легионом и Румынской православной церковью, а также менее сильная связь между Партией скрещенных стрел и венгерской католической церковью. В обоих случаях военизированные формирования использовались одновременно и как машина по мобилизации электората, и как средство для репрессий в отношении соперников. Легион предпринял одну неудачную попытку переворота. В результате возникла неравная пляска смерти, в которой военная мощь вооруженных сил (армии) одержала верх над мощью военизированных формирований, и радикализированные консервативные авторитаристы, контролировавшие государство, одержали верх над фашистами. Только хаос последних лет войны позволил фашистам одержать кратковременную, обреченную на итоговую неудачу победу.

Таким образом, фашисты были разными; они не были просто механизмом для реализации классовых интересов. Они не были жертвами обмана, и их движение было значительно более низовым (организованным снизу вверх) по сравнению с прочими авторитарными движениями. За исключением Италии, в других странах фашисты быстро пришли к власти, предвыборная агитация играла в этом важную роль. Фашисты были пионерами техник мобилизации активистов и манипуляции избирателями.

В отличие от консервативных авторитаристов фашисты не могли использовать власть государства, чтобы фальсифицировать выборы (до тех пор пока они эту власть не захватили). По иронии, хотя фашисты и не верили в демократию, она была критически важной компонентой их успеха. Массы пришлось вывести на сцену и дать им немного подебоширить, но слова к их ролям на сцене будут написаны фашистской элитой.

Фашистская военизированная когорта, без которой фашисты не осуществили бы своего восхождения, преимущественно состояла из молодых военных ветеранов. Затем пришли две волны молодых рекрутов, среди которых были широко представлены кадеты, студенты, спортсмены и уличные хулиганы. Главной силой фашизма была его привлекательность для молодых людей из всех классов, способных отдать больше своего времени и энергии, чем активисты любого другого политического движения. Нацисты одерживали победы на выборах среди немецкого студенчества каждый год начиная с 1930 г. и далее — они завоевали больше всего сторонников среди наиболее образованной молодежи. Фашисты также рекрутировали непропорционально много сторонников среди беженцев, жителей находившихся под угрозой приграничных регионов, государственных служащих (включая вооруженные силы), рабочих государственных и защищаемых государством отраслей промышленности, а также прихожан церквей, которые рассматривали себя как «душа нации» или «нравственность государства», как, например, румынское православие или немецкий протестантизм, но не немецкий католицизм. Неудивительно, что национал-этатизм оказывался наиболее привлекательным именно для тех, кто обладал тесными структурными связями с нацией или государством, а их милитаризм — для ветеранов и молодых людей.

Отношение фашистов к классу заметно различалось. Только в Румынии им удалось привлечь на свою сторону организованный рабочий класс. Обычно же они привлекали тех, кто оставался на обочине классового конфликта, индивидов из всех классов в менее крупных или новых отраслях промышленности, сельском хозяйстве и секторе услуг. Они смотрели на организованный классовый конфликт извне и проклинали его: «Чума на оба ваших дома!», впечатленные фашистскими претензиями на выход за рамки классов. Уровень угрозы, создаваемый каждым движением рабочего класса, не коррелировал с силой фашизма. Эта угроза могла казаться существенной (хотя ее пик уже миновал) в Италии; она была по большей мере мнимой, чем реальной, в Австрии и Германии, где были крупные, но преимущественно умеренные рабочие движения; Румыния и Венгрия обладали крошечным левым флангом к тому моменту, когда фашизм там

только зарождался, и фашизм создал их основные рабочие движения. Класс был менее значим для фашизма, чем национал-этатизм. Фашисты превратили ценности народной войны в агрессивный национализм с военизированными формированиями, предлагая альтернативную современность (модерн) и обновляя романтизм путем акцента на чувствах, эмоциях и бессознательном. Они видели, что модерновые организации, такие как толпы, массовые движения, тотальная война и массмедиа, могут стимулировать эмоции в той же мере, в какой и разум. Это объединение часто давало их пропаганде преимущество, задействуя эмоции в той же мере, что и разум, но эта пропаганда могла работать только в условиях кризисов, когда институционализированные идеологии и средства не срабатывали. Тогда народ мог обратиться к новой секулярной религии спасения.

Фашистские движения возникали снизу, не через электоральное большинство, а через активистское меньшинство, осуществлявшее народное давление. Это было движение не элит и не миллионов, а тысяч. Мы не можем объяснить фашизм в категориях предполагаемой слабости гражданского общества или противостояния массового общества и государства. Хагтвет (Hagtvet 1980) показал, что в Веймарской Германии было очень активное гражданское общество (как, впрочем, и в Австрии), Кошар (Koshar 1986) продемонстрировал, что нацисты охотнее вступали в волонтерские ассоциации, чем приверженцы других движений. Райли считает (Riley 2005, 2010), что плотность ассоциаций гражданского общества в Северной Италии, особенно в сельских областях, дала организационные ресурсы для фашистского движения. Он утверждает, что отсутствие подобных ассоциативных ресурсов в Испании объясняет, почему режим Франко был всего лишь верхушечной корпоративистской диктатурой, несмотря на сходства между двумя странами. Все это не должно казаться удивительным. Социологи, изучающие новые общественные движения сегодня, подчеркивают, что они практически все без исключения используют существующие социальные сети и ассоциации, чтобы расти (см. McAdam et al. 1996). Теперь давайте рассмотрим континентальный контекст успеха фашистов.

ДВЕ ЕВРОПЫ

Для роста фашизма в Европе между двумя мировыми войнами была и географическая основа. В «Фашистах» (Mann 2004: 38) я демонстрирую очевидный географический разлом: практически все режимы Восточной, Центральной и Южной Европы стали деспотичными; напротив, режимы Северо-Западной Евро-

пы остались либерально-демократическими. Имели место две Европы. В первой из них (за исключением Чехословакии, которая в любом случае урезала права своих германских и словацких меньшинств) либеральные демократии составляли единый блок, в который входили 11 северо-западных стран: Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Исландия, Ирландия, Британия, Нидерланды, Бельгия, Швейцария и Франция. Этот блок включал три социокультурные зоны: скандинавскую, англоговорящую и страны Бенилюкса, связанные экономикой морской торговли, а также политическими и идеологическими сходствами. Они установили конституционное правление задолго до 1900 г. Англоговорящие страны говорили на английском, скандинавские страны (за исключением Финляндии) — на взаимно понятных диалектах одной языковой группы. За исключением Ирландии, которая в любом случае была частью Соединенного Королевства до 1922 г., религии у них были скорее деполитизированными. Северо-Запад объединяло много общих черт.

Деспотичное семейство государств составило вторую Европу — географический блок в центре, на востоке и юге континента. За исключением большей части Германии, Эстонии и Латвии, они включали большинство католических стран, а также все православные страны Европы. Они включали все европейские страны, кроме Ирландии, которые сохранили тесные связи между государством и церковью. Они составляли две различные социокультурные зоны: латино-средиземноморскую и славяно-восточную и центральноевропейскую. Их языки были более разнообразными, и они не были торговым блоком. Центральная и восточная части также насчитывали большое количество евреев, наиболее космополитического народа в Европе (наряду с цыганами), и, следовательно, антитезу органическим националистам. Уже пережившие погромы со стороны русских славянофилов до войны, евреи еще больше страдали в Польше после нее.

Между этими двумя Европами лежала «пограничная зона», в центре которой были Франция и Германия. Они могли бы пойти другим путем, который привел бы к более деспотичной Франции и парламентской Германии. Главные довоенные протофашистские теоретики (Моррас, Баррес, Сорель) были французами, и позднее между войнами французские квазифашистские движения заметно разрослись. Если бы в 1940 г., как полагалось, прошли бы выборы, то квазифашистская Французская социальная партия (ФСР) могла бы получить более 100 мест в парламенте (Soucy 1992). Позднее режим Виши, сотрудничавший с захватчиками, обладал заметной внутренней поддержкой. Пограничная зона также включала Испанию, в ко-

торой произошла самая ожесточенная борьба между демократией и деспотизмом в период между войнами. Также вдоль пограничной зоны располагались несколько несовершенные демократии, существовавшие в Финляндии, Чехословакии и Австрии до 1934 г.

Северо-западные деспотические движения стали умеренно популярными в странах, которые находились рядом с пограничной зоной, таких как Чехословакия, Бельгия и Финляндия, хотя им было далеко до популярности, которую имели деспотические движения в странах по ту сторону границы, во второй Европе. Деспотические и фашистские движения, расположившиеся дальше на северо-запад, получали менее 2% голосов на выборах. Решающим фактором в первой Европе было то, что консерваторы противостояли правым сторонникам деспотии, социал-демократы — революционерам, к тому же и те и другие решали свои конфликты в рамках демократических институтов, которые таким образом усиливались, как мы видели в главе 9. На свободных выборах недемократические движения в Австрии, Германии и Испании получали 35–40% голосов; на полусвободных выборах в Восточной Европе они одержали уверенную победу. Будь у фашистов больше свободы для организации, они набрали бы больше 20% голосов, которые они получили в Венгрии и Румынии. Деспотические движения манипулировали исполнительной властью во время выборов, но они обладали намного большей притягательностью, чем на северо-западе. Имели место две Европы, одна — твердо либерально-демократичная, другая — ориентированная на более деспотические взгляды с зыбкой пограничной зоной между ними.

Исторические социологи пытались объяснить, почему два крайне различных режима доминировали в XX в. Баррингтон Мур (Moore 1967) проанализировал условия, способствующие демократии или авторитаризму в современном мире, фокусируясь на отношениях между союзами, объединявшими основные социальные классы (аристократию, буржуазию и крестьянство), и «аграрно-бюрократическим государством» (монарх, суд и королевские чиновники). Хотя теоретически он вводит милитаризм и войны в свое объяснение, но не включает его в свою теорию, то же касается религиозных движений. Военный недостаток впоследствии был исправлен Тилли, Доунингом и мною; Эртман, Горски и прочие добавили к этому дальнейшие уточнения. У Мура аргументация была слишком натянутой, претендуя на объяснение возникновения русского коммунизма, немецкого фашизма и японского милитаризма в одних и тех же терминах конфигураций власти. Я уже отметил неадекватность этой схемы в объяснении возникновения коммунизма в России

в главе 6. Здесь я сделаю подобные замечания в отношении фашизма. Хотя я буду утверждать, что существование авторитарного или полуавторитарного государства было необходимым условием возникновения фашизма, оно ни в коей мере не было единственным условием. Как и в России, Первая мировая война была в равной степени ответственна и за возникновение фашизма, и в обоих случаях отношения идеологической власти были необходимой частью объяснения, как эти две группы революционеров правили, оказавшись у власти. Баррингтон Мур стремится к безвременности (синхронности) в своем объяснении, но каждый этап исторического развития добавляет свои причинно-следственные пути, в чем мы вновь убедимся далее.

ОБЪЯСНЕНИЕ: ЧЕТЫРЕ КРИЗИСА В ДВУХ ЕВРОПАХ

Волна авторитаризма во второй Европе была ответом на каскад экономических, военных, политических и идеологических кризисов, принесенных Первой мировой войной, наслаивавшихся друг на друга, взаимодействовавших с предшествовавшими структурами власти. Довоенные фашисты представляли собой лишь клики офицеров и интеллектуалов. Без этой войны не было бы такой широкой волны авторитаризма, и фашизм остался бы простым примечанием в анналах мировой истории. Гитлер жил бы и умер в неизвестности, не было бы никакого холокоста и, вероятно, Второй мировой войны.

Экономический кризис разразился в виде рецессий, которые случились в конце Первой мировой и затем вновь в 1929 г., когда наступила Великая депрессия. В промежутке между ними произошел инфляционный кризис меньших масштабов; экономики, существовавшие между двумя мировыми войнами, никогда не были очень оживленными. Поскольку от правительств на этот раз ожидали широких мер экономической политики по облегчению тягот, ослабленные экономики делигитимировали правительства и дискредитировали существовавшие политические партии (Weitz 2009). Затем пришли нацисты при пассивной поддержке миллионов избирателей. Разумеется, случись после Первой мировой войны период экономического бума, сравнимый с тем, какой последовал после Второй мировой, никакого значимого фашизма не было бы. Эта серия экономических трудностей была необходимым условием успеха фашистов.

Но экономические трудности не были достаточным условием. Все страны пострадали в экономическом отношении, и боль-

шинство из них не обратились к фашизму. Наиболее тяжелый удар Великой депрессии пришелся на Соединенные Штаты и Канаду, но они остались демократиями. По масштабу страданий за ними следовали деспотические Австрия и Польша, затем демократическая Чехословакия и Ирландия, а затем уже Германия (и Австралия). В целом связи между глубиной депрессии и деспотическим исходом не было. Великая депрессия вызывала падения всех правительств безотносительно к их политической ориентации, будь то правые или левые (как мы убедились в главе 8). Подобным же образом перевороты справа не учащались во время экономического кризиса. Они происходили в равномерно в период между двумя мировыми войнами, будь то в хорошие или в плохие времена. Большинство таких переворотов произошло в более отсталых странах, и, вероятно, потому, что большинство развитых стран (за исключением Германии) уже установили либеральные демократии до Первой мировой войны. В любом случае фашизм не был ограничен отсталыми странами. Страны с наиболее мощными фашистскими движениями находились на всех уровнях экономического развития — от развитой Германии через Австрию, Италию и Венгрию к отсталой Румынии. Экономические кризисы ослабляли все правительства этого периода, но они не могли сами по себе объяснить фашизм.

Обратился ли капиталистический класс к фашизму для защиты своих экономических производственных отношений? Пакстон (Paxton 2004: 28–32, 49–52) утверждает, что большевики настолько запугали консервативные элиты Италии и Германии коммунизмом, что все что угодно, кроме него (даже фашизм), казалось меньшим злом. И все же существовала ли какая-то общая угроза капиталистическим отношениям собственности во всей Европе? За большевистской революцией последовали неудавшиеся революции в Австрии, Германии, Венгрии, Италии и Испании, и Советский Союз остался изолированным. К 1922 г. революционно настроенные левые потерпели поражение в Европе. В Японии всплеск левого активизма (в большей мере либерального, чем социалистического) иссяк к концу 1920-х гг.; в Китае генерал Чан Кайши разгромил коммунистов в Шанхае в 1927 г. В действительности практически все всплески активизма правых произошли после того, как серьезные угрозы революции снизу уже исчезли. На самом деле капитализм уже не нуждался в защите левых. Он мог о себе позаботиться.

Верно, что левые и центристские правительства, а также Великая депрессия привели к сокращению прибылей. Возможно, капиталисты использовали перевороты справа, чтобы принудить труд принять на себя больше расходов. Тем не менее севе-

ро-западным политическим элитам удалось разработать более совершенные стратегии максимизации прибыли. Корпоративный либерализм в американском «новом курсе» и социал-демократический компромисс в Скандинавии защитили прибыли капиталистов и дали рабочим больше прав. Не авторитарная политика правых, а либеральная демократия была самой рациональной стратегией увеличения капиталистических прибылей. В то время Кейнс демонстрировал, что капитализм может быть спасен путем расширения потребления и прав рабочих.

Так почему же высшие классы некоторых стран потянулись к деспотизму или фашизму, когда ни их собственности, ни их прибылям ничего всерьез не угрожало? Они были напуганы революционным периодом, который начался после 1917 г. Почему бы не воспользоваться существующей слабостью левых, чтобы сокрушить их раз и навсегда? В настоящее время, когда капитализм, казалось бы, торжествует, трудно понять, что в тот проблемный период многие опасались, что капитализм терпит крах. Левые могли быть недостаточно сильными, для того чтобы осуществить революцию, но сил на беспорядки им вполне могло хватить. Советский Союз индустриализировался и посылал агентов Коминтерна по всему миру. Страх мог рациональным образом возникнуть из угрозы, которая была маловероятной, но сулила огромный ущерб в случае реализации. «Береженого Бог бережет», — рассуждали высшие классы. Более того, в основе капитализма лежит алчность. Если больше быстрых прибылей можно извлечь за счет сокращения зарплат, то капиталисты непременно пойдут на это, будучи убежденными, что им удастся выйти сухими из воды. В прошлой главе я утверждал, что капиталисты из числа сторонников социального обеспечения (welfare capitalists), нуждавшиеся в удержании квалифицированных или опытных рабочих, предлагали им высокие зарплаты и медицинские и пенсионные выплаты только тогда, когда профсоюзы были достаточно сильны. Когда профсоюзы были слабы, предприниматели с большей вероятностью стремились расправиться с ними. Любой рабочий активист в Соединенных Штатах сегодня может нам это подтвердить!

И все же большинство богатых людей, потянувшихся к оружию, были не промышленными капиталистами, а аграрными землевладельцами, офицерами и церковными иерархами — старым режимом. Волнения в пользу земельной реформы уже прокатились по всей Европе, и землевладельцы боялись, что их возможностей контролировать государства надолго не хватит. Большинство из них были рантье, получавшими прибыли из наименее модернизированных составляющих экономики, которые сокращались из-за глобального перепроизводства.

Они по-прежнему контролировали офицерские корпуса и министерства внутренних дел, так почему бы не осуществить переворот? Офицерские корпуса и церковные иерархи рассуждали похожим образом. Военные осознавали, что их кастовая автономия и бюджеты оказались под угрозой демократического гражданского контроля. Церковь боялась секуляризовавшихся либералов и социалистов, которые отделяли церковь от государства, угрожали отнять церковную собственность и оспорить их контроль над образованием и браком. Церковь могла мобилизовать верующих, особенно в сельских областях.

Демократию прежде всего предал старый режим. Пакстон утверждает, что фашисты заключили «исторический компромисс» со старыми режимами, которые были убеждены, что смогут контролировать этих неотесанных провинциалов. Консерваторы «нормализовали» фашистов, пригласив их разделить власть. «На каждой развилке пути они выбирали антисоциалистическое решение», — пишет он. В 1922 г. генерал Арман-до Диаз советовал королю Виктору Эммануилу III не применять армию против марша Муссолини на Рим, поскольку она может оказаться ненадежной. Но король пошел гораздо дальше, сделав Муссолини премьер-министром. В 1933 г. аристократ Франц фон Папен сделал Гитлера канцлером, поскольку полагал, что сможет его контролировать. Пакстон продолжает свои рассуждения и показывает это на примере Румынии: «Ни один повстанческий переворот против устоявшегося государства никогда еще не приводил фашистов к власти. Авторитарные диктатуры несколько раз сокрушали такие попытки». Таким образом, заключает он, поведение высшего класса является ключевым элементом объяснения прихода к власти фашистов (Paxton 2004: 87–97). Это основная, хотя и недостаточная часть объяснения, относящаяся к классам.

(2) *Военный кризис.* Первая мировая война принесла поражение и территориальные потери одним и демобилизацию, неурядицы и нестабильную геополитику — всем. Страны, соблюдавшие нейтралитет, и страны-победительницы, не претерпевшие территориальных изменений, испытали неурядицы в наименьшей степени, и это касалось большинства стран Северо-Запада. Военный кризис был более жестким во второй Европе, поскольку в ее состав входили страны, потерпевшие поражение. Он продлился дольше в тех странах, где ревизионисты оспаривали мирные договоры, требуя возвращения утерянных территорий. Озлобленные беженцы и националисты продолжали сражаться за возвращение потерянных территорий в Австрии, Германии и Венгрии. Даже в Италии, оказавшейся среди побе-

дителей, многие отрицали «изувеченный мир», поскольку Италии было отказано в территориях, которые были ей обещаны в обмен на присоединение к Антанте. Государства — наследники побежденных мультинациональных империй боялись, что они могут вовсе не выжить. Румыны и французы беспокоились, смогут ли они удержать свои территориальные приобретения, а сербы опасались, что могут потерять контроль над Югославией.

Однако временной фактор представляется проблемой для военных, так же как и для экономических кризисов. Только итальянские фашисты (1922) и болгарские авторитаристы (1923) захватили власть вскоре после войны, а эти страны пострадали в наименьшей степени. У Германии было время для восстановления. Репарации были улажены в 1930 г., к тому же было известно, что оккупация войсками союзников Рейнской области будет носить временный характер. Очевидно, что гитлеровский переворот в 1933 г. был слишком поздним, чтобы напрямую приписать его поражению в Первой мировой войне. Венгерские политики знали, что их ревизионизм не реализуем на практике; австрийцы понимали, что не смогут возродить империю. Военное поражение не породило фашизма напрямую.

Война действительно внесла свой вклад в послевоенный всплеск правого активизма, подрвав ближайшие перспективы демократии. Говоря более конкретно, война породила воензированные формирования. Тотальная война мобилизовала миллионы мужчин сражаться, и гораздо большее количество мужчин и женщин обеспечивали их экономическую и логистическую поддержку. Это увеличило мощь государства, придало куда более весомый военный компонент понятию гражданства, а также принесло новые военные ценности. Нация с оружием в руках оказалась дисциплинированной, но при этом дружной, элитистской и эгалитарной, поскольку офицеры и солдаты сражались плечом к плечу, однако офицеры понесли более тяжелые потери. Большинство молодых мужчин были призваны в армию, и к 1918 г. они уже хотели оставить вооруженные силы и вернуться домой. Немногочисленные левые из их числа обратились к политике, требуя более справедливого и мирного общества. После взрывного роста Советов рабочих и солдатских депутатов они были абсорбированы гражданскими левыми, которые обычно выступали против войны. Некоторые ветераны идеализировали дисциплинированное кросс-классовое товарищество на фронте и разочаровывались в послевоенной, раздираемой на части гражданской демократии. Превознося военные добродетели, они организовывали правые воензированные формирования.

В большинстве стран возникали и наращивали свою численность военизированные формирования и лиги ветеранов. Они одержали победу в гражданской войне в Финляндии, подавили венгерский марксистский режим в 1919–1920 гг., левых и иностранных соперников в Германии, Австрии и Польше вскоре после войны, свергли гражданское правительство в Болгарии в 1923 г. Они составили ядро первой волны фашизма. Впоследствии ветераны обучали молодых людей, успевших поучаствовать в демонстрациях, маршах и уличных драках. Фашизм также предполагал определенное воздействие, оказанное модерном на молодежь, — освобождение молодых мужчин от семейной дисциплины, молодых женщин — от бремени деторождения, рост организованного спорта, умножение профессий, требующих более высокого образования, и особенно рост участия граждан в войне. Студенческие и кадетские ассоциации, гимнастические и прочие спортивные клубы спланировались под фашистскими знаменами. В XX в. эффект возрастных когорт продолжал играть важную роль в политике: они принесли культ молодости, а также особые молодежные культуры, которые склонялись вправо. Ценности некоторых ветеранов, которые они впитали на фронте, подталкивали их к провозглашению того, что военизированные формирования теперь могут достигать социальных и политических целей в мирное время. Военизированные формирования вовлекали молодых одиноких мужчин в «клетку» товарищества, иерархии и насилия «ячейки», «гнезда» или *fascio* (связанные в пучок прутья) — символ, означающий союз принуждения и объединяющих связей.

Небольшое количество военизированных формирований ветеранов возникло и в Британии. Немного их было во Франции, а недавно сформированный Американский легион использовали правые в 1920-х гг. для разгрома красных. Тем не менее по сравнению с ветеранским фашизмом в Германии, Италии, Венгрии или Румынии они были незначительными. Победа против поражения плюс борьба за возвращение потерянных территорий частично объясняли различия между двумя Европами, опосредованные отношениями военной власти. Первая мировая война превратила фашизм из движения интеллектуалов в многотысячное [хотя и не многомиллионное] массовое движение. Поскольку фашисты идеализировали насилие, вступая в уличные баталии даже с левыми, у которых также были собственные военизированные формирования, они обычно одерживали победу.

Но вновь это было необходимым, но недостаточным условием, поскольку сами по себе уличные побоища в нормальных условиях привели бы к поражению фашистов. Милитаризм военизированных формирований не мог одержать верх

над милитаризмом государства, но в силу сокращения численности армий по Версальскому и Трианонскому мирным договорам и идеологических раздоров в некоторых из них монополия государства на средства насилия пошатнулась. Итальянская армия во время марша на Рим стояла в стороне отчасти потому, что высшее командование опасалось симпатий к фашистам на нижних уровнях субординации. Немецкая армия бездействовала, пока нацисты консолидировали свое правление. Нокс утверждает: вера в то, что социальный класс или экономический интерес детерминирует политическое поведение, была бы «наивным редукционизмом». В данном случае, пишет он, «политика и война задавали путь, а общество ему следовало» (Кнох 2009: 40, 315). Поэтому давайте обратимся к политике.

(3) Политические кризисы были острыми только во второй Европе. К 1880-м гг. все северо-западные страны обладали конкурентными партийными системами, свободными выборами и лишь небольшим вмешательством исполнительной власти в дела законодательной. Даже в европейских колониях, в Ирландии и Норвегии, местные жители посылали выборных представителей в парламент метрополии. Даже Финляндии и Чехословакии было позволено иметь представительное провинциальное правительство в рамках Российской и Австрийской империй. Когда избирательное право было распространено и на низшие классы и женщин, их организации равнялись на устоявшиеся институты (Luebbert 1991). Государства первой Европы были унитарными, а не дуалистическими, в них доминировали парламентские институты для урегулирования конфликтов между различными классами, религиозными сообществами и регионами. В предыдущей главе мы видели, что скандинавские и англосаксонские страны справлялись с конфликтами, развивая демократическое социальное гражданство (ср. Schmitt 1988). Фашистские партии образовались поздно, и поскольку межпартийная конкуренция уже доминировала в этих странах, там фашистам не оказалось места (Linz 1976: 4–8). Какое бы воздействие ни оказали Первая мировая война и Великая депрессия на Северо-Запад, с ним справились путем конституционных изменений. Правительства, ослабленные кризисом, были электоральным путем отстранены от власти, их заменили другие партии. Демократия была первооткрывателем техники разрешения кризисов через самообновление — в этом ее величайшая сила.

Напротив, во всех странах второй Европы более слабые государства испытали вызванные войной политические неурядицы. Потерпевшие военное поражение режимы потеряли свою легитимность, а некоторые испытывали давление со стороны

беженцев. В Италии было неурядицы лишь по поводу Триеста и Южного Тироля. Двум странам-победительницам — Румынии и Сербии пришлось инкорпорировать новые территории, которые трансформировали страну. Сербам — институционализировать политику, которая гарантировала бы их собственное доминирование, при этом оставляя недовольными прочие югославские этнические группы. У румын теперь была не угнетенная «пролетарская нация» Балканского региона, а более обширная и преимущественно сельская страна. Совершенно новые государства-преемники приходилось отстраивать с нуля.

Во второй Европе парламенты либо начали существовать незадолго до 1914 г. (как в Российской или Оттоманской империи), либо делили политическую власть с монархами, генералами или министерскими режимами, правившими через огромные сети должностного патронажа (как в Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Сербии и Италии). Это были «дуалистические государства» с парламентскими и исполнительными институтами, каждый из которых был частично автономным. Вооруженные силы и полиция контролировались исполнительной властью, которая могла манипулировать выборами и парламентами при помощи назначения на должности и выборочных репрессий, введения военного положения, запрета партий и т. п. Затем начиная с 1918 г. мирные договоры и победа левых центристов потребовали движения к более демократичным парламентам. В мгновение ока Германия и Австрия получили парламентский суверенитет и всеобщее избирательное право для всех людей, достигших совершеннолетия, то же самое произошло в Испании в 1931 г. Италия значительно расширила избирательные права в 1918 г. Эти шаги не сопровождались сопоставимыми изменениями в контроле над вооруженными силами и полицией или правовыми институтами, где по-прежнему доминировал старый режим. К тому же партии не интернализировали правила демократической игры. На самом деле большинство либеральных и консервативных партий были скорее нелиберальными, а социалистические движения — недостаточно прагматичными. Создание широких парламентских коалиций для сохранения и развития демократических институтов было маловероятным.

Одновременно новые государства трансформировались в национальные государства на фоне движений, мобилизовавших национальную идентичность. Были сложившиеся имперские нации (русские, немцы, мадьяры, оттоманы), пролетарские нации (украинцы, румыны), новые субимперские нации (сербы, чехи), а также соответствующие национальные меньшинства в других странах. Там, где национальности отличались

своей религиозной принадлежностью, это усиливало взаимную напряженность отношений между ними. К этим государствам предъявлялись сложные требования, и не было установившихся институтов, чтобы справляться с ними. Для тех, кто контролировал исполнительную власть государства, самой безопасной стратегией в случае столкновения с кризисом, возможно, были репрессии.

Юджин Вебер пишет: «Фашизм XX в. был побочным продуктом дезинтегрирующей либеральной демократии» (Weber 1964: 139). Однако это не верно. Либерально-демократические государства выбрались из кризиса. **Скорее авторитаризм и фашизм возникли из кризиса дуалистического государства, старого режима, движущегося по направлению к демократии, и национального государства как раз тогда, когда они страдали от экономических и военных кризисов, упомянутых выше.** Это приводило к перевороту внутри старого режима, осуществляемому исполнительной частью государства против его демократической части. **Способность Северо-Запада перейти от партий нотаблей к массовым партиям обеспечила конституционную устойчивость.** Во всех прочих странах к авторитаризму привела неспособность консерваторов осуществить этот переход. Там, где они сами были внутренне расколоты, или там, где им не хватало мобилизационных возможностей, была открыта дорога фашизму. Хотя политический кризис своим появлением куда больше обязан долгосрочным экономическим и геополитическим процессам развития и иногда краткосрочным экономическим и военным кризисам, у него также были чисто политические причины.

Отношения политической власти могут также объяснить, почему фашисты были сильны только в некоторых деспотических странах. Там, где старый режим оставался в силе, он подчинял себе фашизм. В Испании в 1930-х гг. в прошлое ушла только монархия. Армия же и церковь остались невредимыми, полными решимости охранять «старый порядок». Генерал Франко смог нанести поражение сильным левым и подчинить крупное фашистское движение внутри его режима. В Румынии король Кароль и маршал Антонеску обладали достаточной политической и военной властью, чтобы подавить крупное фашистское движение вплоть до последних этапов войны. В Германии монархия канула в Лету, численность армии сильно сократилась, а жизнеспособная демократия ослабила, но не искоренила полностью власть старого режима. Нацисты возникли благодаря этой демократии и слишком широкой мобилизации масс для старого режима. В Италии старый режим сохранил больше власти, но его партийная система была слабой, неспособной противо-

стоять фашистским мобилизационным способностям. Было заключено соглашение, и постепенно политические навыки Муссолини позволили ему стать хозяином положения. Среди всех страновых различий и вопреки им мы можем разглядеть **общий тренд**. Во второй Европе сила и сплоченность старого режима были обратно пропорциональны мощи фашистов. Там, где старый режим был сильнее и сплоченнее, он создавал правый деспотический режим; там, где он был слаб и расколот, фашисты получали прекрасную возможность захватить власть. Таким образом, три различных исхода (фашизм, консервативный деспотизм и демократия) лучше всего объяснялись отношениями политической власти, которые обуславливали ответы на экономический и военный кризисы.

(4) **Идеологический кризис**. Практически одновременные экономический, военный и политический кризисы принесли ощущение общецивилизационного кризиса и привели к поискам новых идеологий. Однако нефашистские авторитаристы были не очень-то озабочены идеологическим уровнем; они прагматично надели на себя столько фашистских одежд, сколько было необходимо, чтобы оставаться у власти, пытаясь несколько разрядить радикальное фашистское низовое движение. Фашизм был более трансцендентным интеллектуальным движением, хотя его интеллектуалы были второсортными людьми типа Морраса, Барреса и сторонников расовой теории, таких как Чемберлен и Гобино, плюс горстка узколобых журналистов, популяризаторов и памфлетистов вплоть до печально известной антисемитской подделки «Протоколов сионских мудрецов». В период между двумя войнами фашизм привлекал крупных интеллектуалов в Италии и Румынии, но во всех остальных странах он оставался движением второсортной интеллигенции, по сути, пропагандистов.

И все же фашизм вызвал широкий отклик у хорошо образованных учащихся средних школ и студентов университетов, семинарий и военных академий и наиболее образованной профессиональной страты среднего класса. Сальваторелли (Salvatorelli 1923) описывает этот слой как «гуманистическую буржуазию». Между 1900 и 1930 гг. количество студентов по всему развитому миру увеличилось в четыре раза — самые быстрые темпы роста в XX в. Во второй Европе эти темпы были даже выше, что угрожало контролю старого режима над институтами образования. В 1960-е гг. этот всплеск стал причиной левого взрыва в студенческой политике; в 1920-е гг. он повернулся вправо. Д'Аннунцио стал первым националистом, использовавшим театрализованную публичность и прославление молодежи, и Муссолини бы-

стро стал ему подражать. Фашизм был молодым, следовательно, современным, обществом будущего, заявляли фашисты. Он предназначался не только для головорезов.

Фашисты призывали к «ресакрализации» общества, ставшего материалистическим и декадентским (Gentile 1990; Griffin 2002), мобилизуя ценности, нормы и ритуалы. Они утверждали, что цивилизационный кризис охватил власть, мораль, естественные и социальные науки и искусство. Социалистов обличали как «азиатских варваров», либералы были «декадентами» и «коррупционерами», наука — «материалистической» и «вырождающейся», «устаревшая» культура — нуждавшейся в омоложении. Милитаризм оправдывался национальными мифами о внутренних и внешних врагах и легитимностью агрессивной экспансии (Кпюх 2009: 315). Фашисты продвигали собственные ритуалы, искусство, архитектуру, естественные и социальные науки, свои молодежные движения, а также культ Нового человека, апеллирующий к эмоциям в такой же степени, в какой и к разуму. Это была действительно секулярная религия спасения. Они использовали эмоциональную силу музыки, маршировки, изобразительного искусства, графического дизайна, скульптуры и архитектуры. Пакстон утверждает, что «эмоции... тщательно организованные церемонии, крайне нагруженная риторика... непосредственный чувственный опыт» были гораздо важнее истины в нацистской идеологии (Paxton 2004: 16–17).

Идеологии невозможно научно обосновать. Для успеха новой идеологии требовалась не истинность, а правдоподобие и эмоциональная притягательность, кажущаяся способность понимать мир в тот момент, когда запутывались существующие идеологии. В период между войнами традиционные идеологии боролись с современным кризисом, охватившим половину Европы. Консерватизм не доверял массам, которые в тот момент вышли на сцену истории; либерализм казался коррумпированным и недостаточно националистическим. Социализм не доверял нации и принес лишь больше классового конфликта без какого-то очевидного решения. Воздействие экономических трудностей (и особенно Великой депрессии) было преимущественно косвенным: консерваторы, либералы и социалисты имели шанс их разрешить. Там, где это не удалось, мог появиться шанс для фашистов, как это случилось в Германии.

Экономические, военные и политические кризисы создали идеологию альтернативной современности и спасения, сфокусированную на нации, государстве и войне. Капитализм не был в центре ее интересов, и фашизм не был в центре интересов для капиталистов. По всей второй Европе консервативные деспоты

захватывали власть, рядясь в фашистские одежды и подавляя самих фашистов. Они рассматривали модерн как желанный, но опасный, либерализм как коррумпированный, социализм как хаотичный и секуляризм как безнравственный. Немногие приняли представление об элитном авангарде, мобилизующем массы для направляемого государством экономического развития и культивации порядка и иерархии, — фашизме. На северо-западе Европы демократия осталась невредимой, самоподдерживавшейся, столкнувшись лишь с очень небольшими фашистскими или консервативными деспотическими движениями. Проблемой для марксистских теорий является то, что глубина рецессии и сила рабочих движений не коррелировали с ростом фашизма. Северо-западные страны пострадали во время депрессии не меньше остальных, и у них были мощные рабочие движения. Но на северо-западе Европы демократия была установлена до Первой мировой войны и теперь институционализирована. Фашисты там остались крошечным меньшинством, социалисты устояли перед коммунистами, консерваторы выдержали натиск органических националистов, и оба придерживались инструментальной политической рациональности колеблющихся избирателей и золотой середины. Первая Европа ответила на кризис движением к политическому центризму, расширением избирательного права и углублением либеральной демократии в социальную или «либ-лаб» демократию, как мы видели в прошлой главе.

Горстка второсортных интеллектуалов и агитаторов добилась отклика от тысяч активистов среди демобилизованных солдат, особенно из числа потерпевших поражение армий. В тяжелые экономические и геополитические времена их большая приверженность насилию могла дать им померяться силами и, возможно, победить левых активистов. По мере того как экономические трудности усугублялись (но только в странах, где демократия не была основательно институционализирована), политические партии были дискредитированы и миллионы людей нашли фашистскую идеологию правдоподобной.

В конечном итоге все решили не миллионы, а, напротив, элиты старого режима (вероятно, всего лишь сотни), устроившие перевороты в тех странах, где у них были на это силы, а там, где необходимых сил не было, поддержали фашистские перевороты — их ключевым решением было не призвать вместо этого армию. Для того чтобы объяснить рост фашизма, необходимо задействовать все четыре источника социальной власти. Каждый из них играл различные, но при этом необходимые роли.

ФАШИСТЫ У ВЛАСТИ

Поскольку лишь два фашистских режима в Италии и Германии находились у власти в течение достаточно продолжительного времени, далее я буду рассматривать только эти страны. Фашисты здесь перестали мобилизовывать народ против элит, как только оказались у власти. Напротив, они установили однопартийную диктатуру и пошли на соглашение с капиталистическим классом. До тех пор пока капиталисты производили то, чего хотели фашисты, и не вмешивались в политику, фашисты избавляли их от независимых профсоюзов и рабочих активистов. Поскольку фашистов мало волновали вопросы религии, они заключили договоры с церквями; таким образом, капиталисты и церкви пользовались определенной степенью автономии от режима, чего нельзя было сказать о вооруженных силах. Гитлер провел чистку высшего командования и подчинил его своим агрессивным проектам, также защитив себя военизированными формированиями партии: сначала отрядами штурмовиков (СА), затем «охранными отрядами» (СС). После захвата власти СС и гестапо стали чрезвычайно похожими на преторианскую гвардию его деспотизма.

Создание более милитаристского, священного национального государства и преувеличение «угрозы», исходящей от внутренних и внешних врагов, имели свои последствия. Фашистские режимы не могли успокоиться и просто наслаждаться властью. У них были свои радикалы, которых необходимо было удовлетворять, и они нуждались в образе перманентной революции (Mann 1996; Paxton 2004: 148). Как только они захватили власть, огромное значение приобрела идеологическая власть (как это было и в коммунистических режимах), и она постоянно продвигала их вперед к их утопическим целям. Оказавшись у власти, фашисты на какое-то время направляли свои военизированные формирования против расовых или политических врагов внутри страны, но затем стали осуществлять захватнические войны. Как мы увидим в главе 12, их милитаризм был безрассудно утопическим и в конечном итоге ведущим к поражению, которое уничтожило все семейство правых авторитаристов. Сама форма их падения, без сомнения, доказала, что фашисты не были всего лишь реакционерами или марионетками капитализма или другого режима. И своим успехам, и в конечном счете поражением они были обязаны идеологии.

Итальянский фашизм был несколько менее идеологичным по сравнению с немецким. Он представлял собой коалицию социалистов, синдикалистов, консервативных национали-

✓
стов, радикальных боевиков и аграрных реакционеров. Лично Муссолини предпочитал фашизм с социалистическим привкусом, но оппортунистическое чутье привело его к сраиванию различных фракций. Результатом было и корпоративное государство, и рассредоточение государственного суверенитета между различными институтами — монархией, традиционной бюрократией, Большим фашистским советом, Министерством корпораций, синдикатами, фашистской партией и самим дуче. Это не было тоталитарное государство, хотя Муссолини гордо провозглашал его таковым. Фашистская партия смогла присвоить большую часть плотной сети местных ассоциаций итальянского общества и стать самодостаточной наравне с государством. От радикалов и синдикалистов откупилась монопольным контролем над профсоюзами и ведением ими переговоров с работодателями; точно такую же власть, но только с другой стороны стола переговоров получили ассоциации предпринимателей (Riley 2010: 61–68). В остальных сферах фашистский режим прагматично уступил некоторые полномочия нефашистским элитам. В сельской местности землевладельцы пришли к руководству фашистскими организациями в 1922 г. В городах, где радикальные *fasci* продолжали создавать турбулентность на протяжении 1920-х гг., аналогичные процессы заняли больше времени. Фашистские союзы стали в большей степени состоять из среднего класса, где доминировали низшие и средние чины государственных служащих и местных властей. После переворота в Национальной фашистской партии (Partito Nazionale Fascista, PNF) стало значительно меньше рабочих и крестьян по мере присоединения к ней оппортунистов из среднего класса и государственной службы.

ins
Несмотря на свою сужавшуюся базу, фашистский режим был вполне популярным. Выборы 1924 г. не были полностью свободными, но фашистское большинство было в основном подлинным. Положительный момент состоял в том, что порядок был восстановлен. На ранних этапах фашисты убили около 700 и 1700 левых и популистов в ходе своей борьбы. После закрепления у власти, примерно к 1926 г., они стали обходиться без насилия, и режим достиг широкой, хотя и не очень интенсивной народной поддержки. Создание специальных судов и тайной полиции не привело к террору; 80% судимых за политические преступления были оправданы, и большинство из осужденных были приговорены к менее чем трем годам тюремного заключения. С 1927 г. до самого конца была совершена всего 31 казнь за политические преступления. Во Второй мировой войне только 92 итальянских солдата были приговорены к смерти по сравнению с 4 тыс. смертных приговоров, вынесенных

их «либеральными» предшественниками во время Первой мировой, и с 35 тыс. смертных приговоров в немецком вермахте. Сильного недовольства не наблюдалось, за исключением местных партийных боссов.

Де Феличи (De Felice 1974: глава 2) утверждал, что фашистский режим пользовался широким одобрением итальянцев. Он хорошо справился с Великой депрессией: быстрыми темпами росли государственные расходы, сопровождаясь довольно умеренным улучшением в образовании и программах социального обеспечения. Итальянский фашизм был умеренно эффективным в управлении экономикой. Фашистские профсоюзы, женское, молодежное и досуговое движение обеспечивали подлинные услуги для своих многочисленных членов. Березин (Berezin 1997) подчеркивает важность фашистских ритуалов для проникновения в практики повседневной жизни, присвоения и усиления обычного патриотизма, использования католицизма и сельских священников в своих проектах. Но Вторая мировая война принесла раздражение. Полицейские отчеты свидетельствуют о том, что с 1943 г. многие итальянцы рассматривали нехватку продуктов питания и бомбежки как последствия идиотской войны, к которой принудили слабый режим более могущественные немцы (Abse 1996). Уже второй раз Италию обрели на безрассудное участие в мировой войне, и вновь это колоссально ослабило государство. Оно стало глубоко внутренне расколотым, и многие восстали против фашизма. Хотя до этого несколько тысяч старых фашистских бойцов и более внушительное количество оппортунистов управляли Италией, по-видимому особо не напрягаясь. Без войны они могли бы править таким образом гораздо дольше.

Фатальной слабостью итальянских фашистов был милитаризм. Во время войны Муссолини отклонился от трансцендентности и удовлетворил своих радикалов. Во всяком случае он сам в это верил. При фашистском правлении военные расходы утроились и к 1937 г. поглощали 10% ВВП, что превышало аналогичные расходы любой другой страны. Муссолини вмешался в Гражданскую войну в Испании на стороне Франко. Он заявлял, что «война для мужчин то же, что и материнство для женщин». К несчастью для него, это не вполне подходило для итальянских мужчин, которые оказались более рассудительными, когда им навязали войну. Италии удалось справиться с вторжением в Эфиопию, где она копировала империализм прочих держав, их зверства и др. (в период между двумя войнами Британия также применяла против туземцев горчичный газ), но вступление Италии во Вторую мировую войну, подстрекаемое экстраординарным успехом вермахта в 1940 г., оберну-

лось ее крахом. В военном отношении Италия не была перво-разрядной державой — все зависело от Германии. Это, в свою очередь, подчиняло Муссолини Гитлеру. Под давлением Гитлера итальянские радикалы получили больше свободы, и Муссолини совершил величайшее из своих преступлений, отдав на расправу итальянских евреев. Затем, когда военное могущество Гитлера ослабло, итальянские союзники Муссолини — король, двор и генералы — его свергли.

Если Муссолини представлял собой фашизм в его лучших (хотя и не очень хороших) проявлениях, то Гитлер олицетворял собой худшее. В течение 1930-х гг. его режим «радикализировался», что служит эвфемизмом большей диктатуры, расизма, захватнической войны и массовых убийств гражданского населения. Осуществлялось проникновение абсолютно во все аспекты жизни. Роберт Лей, который был руководителем нацистского министерства труда, отмечал, что единственной приватной сферой людей в нацистской Германии был сон. Нацистский милитаризм был также обращен за границу. Классовый конфликт был не трансцендирован, но подавлен, и капиталистам позволялось получать прибыль, хотя они были обязаны производить все необходимое для войны, которая должна была стать расовой войной. «Над всем господствовало, — пишет Р. Эванс (Evans 2006: xv), — стремление к войне, войне, которую с самого ее начала Гитлер и нацисты рассматривали как ведущую к немецкой расовой реорганизации Центральной и Восточной Европы и воскрешение Германии как державы, господствующей на европейском континенте и за его пределами по всему миру». Гитлер хотел гораздо большего, чем просто восстановление потерянных территорий; через войну он жаждал господства над всем миром — крайне утопической цели.

Поскольку его основной целью была очищенная империя и основным средством для достижения этого — военная мощь, Гитлер был готов принести немецкую экономику в жертву подготовки к войне. Военная кристаллизация государства одержала верх над экономикой. Разрекламированные гражданские инновации, такие как автобаны и «Фольксваген», подразумевали пренебрежительно малые расходы по сравнению с расходами на перевооружение. Военные расходы были чуть меньше 10% ВВП в 1937 г., немногим меньше итальянских показателей, но практически в два раза больше в процентном отношении, чем в Британии и Франции. Тем не менее военное кейнсианство создало полную занятость и даже рост зарплат. Али (Aly 2007) подчеркивает, что нацисты стремились предотвратить недовольство рабочих, принимая множество программ социального обеспечения; была даже в два раза увеличена про-

должительность оплачиваемого отпуска, а также уменьшены возможности домовладельцев поднимать арендную плату или выдворять квартиросъемщиков.

Война, начавшаяся в 1939 г., стимулировала режим избегать недовольства рабочих. В 1940 г. нацистское государство перестало облагать налогом выплату сверхурочных, а в 1941 г. ввело национальную схему медицинского страхования для всех, то есть для арийцев, но и для них это была еще не вся история. Ограниченное количество потребительских товаров и карточная система сводили на нет рост благосостояния. Немцы, имея ограниченное количество товаров на прилавках, клали свои сбережения в банки, которые, в свою очередь, не имея других инвестиционных возможностей, вкладывали их в государственный долг, который им не вернули. Немцев, особенно из среднего класса, имевших сбережения, обескровливали безо всякого принуждения, часто без их ведома, чтобы платить за эту «бесшумную систему» военных финансов. Однако сам эффект от этих двух тенденций мог рассматриваться как уравнивающий классы, что, как представлялось, добавляло некоторого правдоподобия претензии нацистов на трансцендирование классовых различий. Это, как мы увидим в главе 14, поддерживало немецкий патриотизм во время войны.

В 1937 и 1938 гг. нацистский режим удвоил долю национального производства, идущего на военную сферу, до 20% — увеличение, равного которому, вероятно, не было ни у одного государства в мирное время. Это вызвало экономический кризис, который Гитлер попросту проигнорировал. Напротив, он призывал к увеличению военных расходов (Тоозе 2006: 138–143, 253–259, 354–355, 659; R. Evans 2006). За этим также стояла определенная экономическая логика. Она подталкивалась стремлением к автаркии, в свою очередь с неизбежностью превращавшейся в военную экспансию ради территориального контроля за ресурсами, в которых нуждалась немецкая экономика, такими как румынские нефтяные месторождения или украинские поля. Без сомнения, это было самое милитаристское из современных государств, и по мере того, как гитлеровские войны затягивались, большинство немцев испытывали ужасные страдания. Утверждение Али о том, что экономика продолжала приносить им экономические выводы, абсурдно. Действительно, немецкие солдаты и управленцы захватывали ресурсы завоеванных территорий и отправляли их на родину, но нехватка продовольствия и опустошительные бомбежки Германии перекрывали подобные выгоды для всех, за исключением нацистской элиты. Нацистский режим не обладал достоинствами большинства идеологических режимов левых или умеренных

националистических режимов, которые, несмотря ни на что, продолжали обеспечивать общественными благами население. **Коррупция нацистов была, разумеется, ключевой составляющей их режима, поскольку каждый партийный лидер присваивал ресурсы сверху, чтобы увеличить свое личное благосостояние.** Хотя Гитлер действительно ввел больше общественных благ, их перевесили страдания, которые принесли немцам войны.

Нацистская радикализация продолжалась до тех пор, пока Германия не спровоцировала Вторую мировую войну и не совершила геноцида евреев и цыган, массовых убийств умственно отсталых людей и гомосексуалистов, политцида против польских и прочих иностранных элит. Гитлер стремился очистить немецкие земли от низших рас и генетически неполноценных немцев. Геноцид евреев, вероятно, не был его первоначальным намерением; он ожидал, что дискриминация и насилие вынудят их бежать, отказавшись при этом от большей части своего богатства. Когда они не уехали и на завоеванных территориях оказалось огромное количество евреев, а также цыган, идея уничтожить их всех превратилась в политику². На восточных территориях было слишком много славян, чтобы их уничтожить, несмотря на их расовую неполноценность. Убить (в ходе политцида) необходимо было только их лидеров, а остальные станут «рабами» немецких хозяев. Завоевания на Западе были более умеренными, поскольку там не было низших рас. Только евреи и те, кто сопротивлялся немцам, должны быть уничтожены. Война и геноцид, особенно геноцид евреев, были ужасным наследием Гитлера.

Войну я буду анализировать в главе 14, а по геноциду я уже написал книгу «Темная сторона демократии» (2005). Ниже я кратко изложу процесс расовой радикализации. *Социал-дарвинизм*, представление о том, что люди биологически разделены на высшие и низшие группы, в начале XIX в. было широко распространено в развитом мире. Оно применялось и к расам, и к классам: белая раса рассматривалась (белыми) как превосходящая упадочную желтую и дикую черную расу; высший класс рассматривал низшие классы как биологически низшие. Евгенические теории, казалось, научно это подтверждали. Для сохранения превосходства белых важно было противостоять межрасовым бракам; для сохранения могущества нации высшие классы должны были размножаться быстрее низших классов,

2. Это спорный вопрос, на который нет окончательного ответа. Мое собственное мнение на этот счет можно найти в книге «Темная сторона демократии» (2005: глава 7). См. также работу Кристофера Браунинга (2004), в которой представлен авторитетный обзор исторических свидетельств.

а умственно отсталым и преступникам не следовало разрешать иметь детей вовсе. Эти убеждения были широко распространены в развитых странах, одни из которых доходили до стерилизации преступников, беременных незамужних подростков и умственно отсталых. Однако только нацисты дошли до того, чтобы их убивать.

До Первой мировой войны Германия демонстрировала не больше расизма или антисемитизма, чем другие страны. Франция, Польша и Россия также проповедовали антисемитизм. Германские колонисты были не более расистскими, чем британские или французские, хотя немецкие военные были более беспощадными по отношению к повстанцам из числа местных жителей, чем большинство европейских колониальных армий на тот момент (Hull 2005; ср. Mann 2005: 100–107), но немцы привыкли править поляками и рассматривали их наряду с другими славянами как низшую расу. В ходе Первой мировой войны немцы захватили огромные восточные территории (*Raum*), которые едва обрабатывали, но которые тем не менее можно было заселить. Солдаты были крайне удивлены, когда во время рытья траншей находили артефакты доисторических народов, лежащие почти на поверхности. Они принимали это за археологическое доказательство того, каким примитивным был до сих пор этот регион. Генерал Людендорф создал восточную администрацию — Обер Ост, которая безжалостно управляла и извлекала ресурсы, а также несла великую культурную миссию примитивным народам этого региона. По мере нарастания местного сопротивления то же происходило с немецкими негативными стереотипами о местных жителях. В обреченной послевоенной борьбе за возвращение утерянных территорий на Востоке немецкий вооруженный фрайкор рассматривал славян как воплощение «ужасной жестокости», на которую они отвечали подобным образом. В глазах немцев «Восток предстал как область рас и пространств, которыми нельзя было управлять, а только освободить и расчистить» (Liulevicius 2000: 152–153).

Идея необходимости *Lebensraum* — жизненного пространства появилась во времена Веймарской республики. Это было широко распространенное убеждение, что слишком много немцев населяют слишком маленькую страну, к тому же путь к заморским колониям был отрезан британским флотом. Большие территории для поселенцев могли быть захвачены на восточных границах, в среднеевропейских (*Mitteleuropa*) империях. Распад Австрийской империи усилил интерес к *аншлюсу* — объединению с Австрией. Австрия была значительно более антисемитской, Гитлер был австрийцем, и его первая клика сторонников происходила преимущественно из антисемитской оси Вена — Мюнхен.

Среди первых нацистов общая идея о расовой биологии имела два различных приложения к Европе: создание колоний поселенцев на востоке континента и приписывание неполноценности славянской и еврейской расам.

Убийства начались в самой Германии. Захват власти в 1933 г. привел к арестам тысяч коммунистов и социалистов и заключению их в концентрационные лагеря, где многие были убиты. С преступниками, гомосексуалистами, цыганами, евреями и умственно отсталыми обращались все хуже. В 1938 г. нацисты перешли от стерилизации умственно отсталых людей к их убийству, что было решающим моментом, поскольку нацистский режим превратился из всего лишь крайне репрессивного в режим, виновный в массовых убийствах, а также в режим, обучавший огромное количество людей убивать. Нацистская антисемитская политика сначала не была такой же ужасной, хотя законы изгнали евреев с государственной службы, из армии, университетов, области искусств, затем из профессиональной деятельности, подкрепляясь местными запретами на присутствие евреев в общественных зданиях, аренах и плавательных бассейнах. Нюрнбергские законы дали детальное описание того, кто является евреем, и запретили межрасовые браки (Friedlaender 1997: 141–51).

Между 1933 и 1938 гг. Гитлер подчинил ненацистские элиты. Политические партии, государственные служащие, высшее командование и в меньшей степени капиталисты и священники были подчинены нацистским целям. Нацисты использовали деспотическую и инфраструктурную власть, способную к глубокому проникновению в гражданское общество, для исполнения своих директив. В теории это однопартийное государство было тоталитарным, но на практике все было не так. Деспотические государства всегда обладают меньшей инфраструктурной властью, чем им хотелось бы. Они убеждены, что внутренние враги без устали трудятся, чтобы разрушить их власть, но, когда диктатор обнаруживает, что не может реализовать все, он реагирует способом, который обычно ослабляет бюрократическую цепочку командования сверху вниз, лежащую в самом центре тоталитарной модели. Гитлер культивировал две основные стратегии. Одна заключалась в том, чтобы следить за государственной частью партийного государства при помощи вооруженных сил безопасности, особенно СС и гестапо. Другая заключалась в том, чтобы разделять и властвовать над партийной элитой, позволяя различным «вождям» контролировать их собственные области администрации, но поощряя соперничество между ними и вынуждая их отчитываться непосредственно ему или его доверенному внутреннему кругу, а не какому-либо коллективному орга-

! ну партии или государства. Это создавало фрагментированный деспотизм, один исследователь зашел так далеко, что назвал его «поликратичным» (Broszat 1981). В данном случае деспотическая власть, как представляется, должна была до определенной степени подрывать инфраструктурную власть — такую возможность я ранее не предполагал (Mann 1988a; 2008).

Рост власти Гитлера также сдвинул баланс власти внутри нацистского движения. Поскольку компромиссу с консервативными элитами пришел конец, влияние консервативных нацистов ослабло. Шахт потерпел поражение в своем противостоянии подчинению экономики военной машине. Геринг, изначально консервативный нацист, радикализировался, чтобы сохранить свою власть. Радикалам были на руку «принцип лидерства» и особенно практика, обозначенная Кершоу (Kershaw 1997, 1998: глава 13), как «работать с оглядкой на фюрера», то есть действовать так, чтобы предвидеть его намерение, которое, как предполагалось, практически всегда было радикальным. Осознанно или нет, но это действительно был способ уменьшения фракционности, увеличения последовательности политики, избираемой различными фракциями, а также поддержания высокого уровня инфраструктурной власти через общую цель в большей мере, чем через бюрократические институты. Эта также зависело от того, что Вебер называл харизматической властью, при которой чиновники отбираются и вознаграждаются не в соответствии с их техническими компетенциями, а в соответствии с их преданностью лидеру и рвением в принятии его точки зрения. Лишь немногие фашисты замыслили массовые убийства, но лишь немногие возражали им, поскольку это пошло бы вразрез с намерениями фюрера, что невозможно себе вообразить, и было чревато для карьеры диссидентов. Нацистов, которые «могли сделать дело», как гласил радикальный эвфемизм, одобряли, и это оказывало давление на более осторожных коллег и начальников.

В книге «Темная сторона демократии» (2005) я уже предпринимал попытку объяснить, почему нацизм был настолько обуреваем антисемитизмом, и не буду повторять это объяснение здесь. Аншлюс в 1938 г. принес с собой более агрессивный австрийский штамм антисемитизма, что спровоцировало самый жестокий погром из тех, что Германия когда-либо видела. Тысячи евреев бежали за рубеж, другие были выдворены за границу, от богатых за эмиграцию требовали выкуп. Теперь Гитлер вышел за пределы того, что в «Темной стороне...» я называю его планом А — оказать давление на евреев, вынуждая их покинуть страну, к его плану Б — «неистовой депортации», эмиграции под воздействием насилия. В ноябре 1938 г. нацистское руководство

попыталось распространить насилие на Германию при помощи погрома *Kristallnacht* («Хрустальная ночь»). В частном порядке Гитлер сказал: «Евреи должны уже испытать на себе гнев народа» (Kershaw 2000: 138–139). Более 100 евреев были убиты, 80 тыс. бежали из страны, но это насилие шокировало и многих нацистов. Некоторые *гауляйтеры* отказались передавать приказы о погроме. Мюллер-Клаудиус заметил из бесед с 41 нацистом из элиты в 1938 г., что 28 (63%) выражали резкое неодобрение «Хрустальной ночи». Лишь двое (5%) ее полностью одобряли. Геринг был раздосадован потенциальным ущербом экономике, и даже Гитлер был обеспокоен грабежами, выходившими из-под контроля. Режим отступил. Это компенсировалось усилением эвтаназии — массового убийства людей с ограниченными умственными способностями.

Гитлер также добился успеха в рискованных предприятиях внешней политики, которым противостояли консервативные нацисты. Немецкие солдаты оккупировали Рейнскую область в 1936 г. и захватили Австрию в ходе аншлюса в 1938 г. За этим последовал захват Судетской области, а затем и всей Чехословакии. Все происходило без единого выстрела, увеличивая тем самым популярность Гитлера и его власти внутри страны и нацистского движения. Это также увеличило привлекательность «жизненного пространства на Востоке», политическое влияние «этнических немцев» (немцев за пределами веймарских территорий), а также ощущение угрозы, исходившей от предполагаемых «жидобольшевиков». В 1939 г. вторжение в Польшу втянуло нацистскую Германию в войну с западными державами, но вермахт одержал быструю победу в Польше, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге и Франции. Затем настал черед Дании и Норвегии. Советский Союз был атакован в середине 1941 г.

Хотя Гитлер уже откусил больше, чем мог проглотить, в декабре он объявил войну Соединенным Штатам. Большинство немцев, включая многих генералов, ожидали поражения, но патриотизм военного времени плюс гестапо делали невозможным сопротивление Гитлеру и его радикализирующим целям. Таким образом, руководству в целом — рейхслайтерам, гауляйтерам, руководству СС, гражданским губернаторам и генералам — пришлось поддерживать «ликвидацию» всех низших рас. Эвфемистические кодовые слова свидетельствовали об ослаблении моральных границ. «Фанатизм» был чем-то хорошим. Активисты были «безжалостными», «закаленными», «стальными», «твердыми», становились «холодными как лед» для осуществления «беспощадных», «жестоких», «специальных проектов». Врагов лишали всяких человеческих качеств: евреи, цыгане,

большевики, славяне и азиаты были «ферментами разложения», «международными червями и клопами».

Весь внутренний круг Гитлера был в сговоре. Гиммлер говорил своим людям из верхушки СС в 1938 г., что следующее десятилетие увидит «идеологическую борьбу всего еврейства, мазонства, марксизма и церковей мира. Этими силами, движущими духом, истоком всего негативного я считаю евреев, ясно, что если Германия и Италия не будут уничтожены, то уничтожены будут они... мы искореним их с беспрецедентной безжалостностью» (I. Kershaw, 2000: 130). В 1941 г. Геринг, Гиммлер и Гейдрих сформулировали «окончательное решение». Геринг провозгласил: «Это не Вторая мировая война, это великая расовая война». Дневник Геббельса описывает «жизнь и смертельную борьбу между арийской расой и еврейской заразой». Он провозглашает, что немцы должны править «безо всякой пощады» восточными нациями (Kersten 1956: 120; S. Gordon 1984: 100; Goebbels 1948: 126, 148, 185, 225, 246). Эти лидеры имели представление о том, как их массовые убийства расценит весь остальной мир, но были убеждены, что их действия исторически необходимы. В будущем, утверждали они, их отблагодарят за «безжалостность» в преодолении общепринятой морали. Если бы они одержали победу в войне, все, возможно, так бы и было — мысль, столь же ужасная, как и сам геноцид. Победители переписывают историю. Нацисты сознательно и добровольно пошли на геноцид и смертоносные этнические чистки, и здесь не было никакой неоднозначности катастрофических политических ошибок, сопровождавших зверства Сталина. Режим Гитлера, вероятно, был худшим из тех, что когда-либо видел мир.

Радикализации сверху вниз способствовало уничтожение Гитлером немецкой оппозиции, распространение принципа лидерства и геополитические успехи. Прояви немецкие элиты больше твердости в первые годы нового режима, они могли бы усилить нацистских консерваторов и создать менее смертоносную версию фашизма. Их причастность к захвату власти сделала их бессильными остановить ужасное скатывание нацистского радикализма к геноциду и агрессивной войне. Этот радикализм все более возрастал во время войны вплоть до того самого момента, когда Германия потерпела тотальное поражение.

Степень причастности обычных немцев к холокосту вызывает множество споров. В «Темной стороне демократии» (2005: главы 8, 9) я показываю, что в выборке преступников непропорционально широко были представлены убежденные нацисты и члены СС, а ядро старшин и низших офицеров уже было приучено к зверствам через опыт участия в проекте эвтаназии или в польской резне, начавшейся в 1939 г. Это обес-

печило наличие опытных радикалов в большинстве немецких частей, которые позднее привлекались к массовым убийствам. Затем нормальное социальное давление иерархии (подчинение приказам), карьеризма (если будешь колебаться, не получишь повышения по службе) и товарищества (если кто-то намеренно выстрелит выше головы, то его товарищам придется убить больше человек) обеспечивало оппортунизм среди обычных немцев и коллаборационистов. Общее количество преступников могло достигать 300 тыс. человек, хотя это было всего 3% немцев того времени. Разумеется, гораздо большая доля немцев знала на определенном уровне, что происходит, но по нашему собственному опыту нам известна человеческая способность отворачиваться от происходящего ужаса.

Геноцид не был немецким изобретением, поскольку массовые убийства совершались людьми многих национальностей по всему миру. Геноцид нацистов также не был банальным в том смысле, в каком его понимает Ханна Арендт (Arendt 1968). Те, кто был фактическим убийцей, не могли избежать крови, кишок и ужасного зловония смерти. Убийцы, которые просто сидели за письменным столом (*desk killers*), такие как Эйхман (для него она придумала это обозначение), которые фактически не убивали, не испытывали подобных неприятных ощущений, были фанатичными нацистами, жаждущими уничтожения, а не банальными бюрократами. Холокост, разумеется, был «современным», хотя и не в том известном смысле, в каком его понимает Бауман (Bauman 1989). Каждая группа, которая проводила геноцид, использовала наиболее современные из имеющихся технологии, а для немцев такими технологиями были отравляющие газы, которые уже применялись на крысах и напоминали фабрики лагерей смерти, по словам Баумана. Тем не менее преступники народности хуту, виновные в геноциде в Руанде в конце прошлого века, не были настолько современными. У них действительно было некоторое количество автоматов Калашникова, но большинство убийств были совершены мачете. У турок, виновных в геноциде армян в начале прошлого века, также было огнестрельное оружие, но основными орудиями убийства были ножи, удавки и голод. Все они были причастны к совершенно другому лику современности: они были крайними националистами, утверждавшими, что власть народа (демоса в демократии) означает власть их этнической группы (этноса), а остальные этнические группы должны быть насильственно искоренены. Их современность была по сути идеологической и политической.

Важнейшей целью Гитлера стал геноцид. Он отказался от эксплуатации живых евреев как рабов и приказал убить их. Как

мы увидим в главе 14, его ответом на плохие шансы в войне было их усугубление агрессией против еще более могущественных противников. Таким образом, самое простое объяснение гибели фашизма состоит в том, что его убил Гитлер. Другие нацисты, вероятно, смогли бы договориться с прочими немецкими элитами и были бы более осмотрительны. В отличие от моего комплексного объяснения роста фашизма в категориях всех четырех источников социальной власти я только что дал однофакторное (и даже в конечном итоге сводимое к действиям одного человека) объяснение его гибели. Это единственный раз, когда в этой книге я приписываю необыкновенную причинно-следственную власть индивиду. Обычно это не характерно для обществ, но в данном случае, без сомнения, это сыграло большую роль.

Гитлеру также обычно приписывают харизму. Многие партийные лидеры, генералы и прочие утверждали, что входили к Гитлеру, подготовившись оспаривать его политику, и тем не менее уходили убежденными, что он лучше знает, что делать. Что касается рядовых членов нацистской партии, то фильмы о партийных конгрессах в Нюрнберге свидетельствуют, что Гитлер полностью подчинил их себе. Макс Вебер определяет харизму как:

качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или по меньшей мере специфически особыми силами или качествами. Они недоступны обыкновенному человеку, рассматриваются как исходящие от божества или образцовые, и на их основе данный индивид считается лидером (M. Weber 1978 edition: I, 241).

Это с очевидностью относится к Гитлеру. И все же уместны три оговорки. Во-первых, кажется слишком большим совпадением то, что не только Гитлеру, но и по меньшей мере двум другим фашистским лидерам (Муссолини в Италии и Кодряну в Румынии) также приписывалась харизматическая власть. Представляется, что Вебера можно критиковать за его акцент на качествах лидера, а не на потребности его последователей верить в лидера. Харизма является не индивидуальным качеством, а отношением между лидером и последователем и в кризисных ситуациях, в которых более рутинизированные формы власти более не кажутся способными представить решения (этот момент Вебер признавал). Во-вторых, на самом деле сама идеология фашизма подразумевала принцип лидерства. Предполагалось, что лидер наделен экстраординарными качествами. Необходимость веры в лидера в фашизме была сильнее, чем в любом другом движении, кроме религиозного, в котором лидеры наделялись божественной властью. В-третьих, харизматические отноше-

ния между Гитлером и нацистами обладали экстраординарным значением для всего мира, тогда как отношения между Кодряну и его легионерами нет, поскольку Германия была великой державой, способной устроить геноцид и сражаться в ужасной мировой войне в течение пяти лет с намного превосходящими противниками. Таким образом, фашистская доктрина и структура власти плюс немецкая военная власть сделали возможным харизматическое воздействие Гитлера на весь мир, которое, к несчастью, было весьма существенным.

БЫЛ ЛИ ФАШИЗМ РЕАЛЬНОЙ АЛЬТЕРНАТИВОЙ?

Ответ отрицательный. Во-первых, объединение им всех четырех источников власти было по сути деспотическим, крайне ограничивающим человеческую свободу. Во-вторых, самый могущественный фашистский режим оказался самоубийственным. Враги фашизма победили не потому, что обладали лучшими качествами и не потому, что цивилизация с неизбежностью одерживает верх над варварством, но потому, что их было больше, и потому, что они были лучше вооружены. Без гитлеровской Германии фашизм мог просуществовать гораздо дольше, то же касается и прочих европейских и азиатских правых деспотов. Фашизм заключил сделку с капиталистами, взяв управление всей экономикой в свои руки и позволив капиталистам получать прибыли. Результатом было довольно быстрое экономическое развитие вплоть до того момента, как оно было подчинено целям агрессивной войны. Имело место семейное сходство между фашистским корпоративизмом, организованным сверху вниз, и корпоративизмом скандинавских стран, организованным снизу вверх, который также способствовал экономическому развитию. Фашизм также был хорош в том, что касалось привития национальной гордости; немецкий фашизм был очень хорош в том, что касалось военной мобилизации масс. Вермахт доказал это, яростно сражаясь до самого конца, еще долго после того, как поражение уже стало неизбежным (итальянские солдаты в этом отношении были более благоразумными). Фашизм был идеологией, создавшей жизнеспособную, хотя и чудовищную политику. Без Гитлера и Муссолини он продержался бы гораздо дольше, и то же можно сказать о самом германском нацизме. Я уже подчеркивал, что милитаризм был неотъемлемой частью фашизма, но он не обязательно должен был быть настолько безрассудным. Расизм также был устойчивой тенденцией фашизма, доведенной до предела нацизмом,

к тому же расизм также был самоубийственным, каким он оказался в заморских империях. Обращение с евреями и особенно со славянами сделало их непримиримыми противниками, которые полагали, что никакой компромисс с фашистами невозможен, только их полное уничтожение. Смерть фашизма произошла по собственной воле — необыкновенный пример человеческой иррациональности, фатальной для европейских союзников фашизма. Из европейских правых деспотов только Франко в Испании и Салазар в Португалии соблюдали благоразумный нейтралитет (и не были расистами) в войне, поэтому они просуществовали дольше, хотя и были изолированы.

В конечном итоге фашизм усилил своих врагов. Он помог укрепить социальную и либеральную демократию на Западе и усилил позиции государственного социализма на Востоке. Не следует рассматривать поражение фашизма или любое из усилений его противников как неизбежное, как признак широкого эволюционного процесса. Без Гитлера Советский Союз продолжал бы оставаться в изоляции, Японская, Британская и Французская империи просуществовали бы дольше, а Соединенные Штаты не стали бы мировой сверхдержавой, способной навязывать более универсальную глобализацию по всему миру. Без него, вероятно, в мире имели бы место более долгосрочные, более умеренные формы фашизма и корпоративизма, а также было меньше конвергенции между различными странами мира. Фашизм оказался в арьергарде действий против глобализации, которые провалились.

Сегодня фашизм видится нам чем-то устаревшим, предложившим решения для кризиса, который мог возникнуть только после Первой мировой войны, когда границы между странами продолжали оставаться спорными, военные ветераны организовывали военизированные формирования и классовый конфликт нарастал, а затем разразилась Великая депрессия. Вторая мировая война принесла противоположные результаты — меньше споров о границах, никаких военизированных формирований, революция только в Азии, а на Западе — реформированный капитализм и либеральная и социальная демократия с надежными парламентскими средствами самообновления. Постепенно это распространилось и на большую часть Восточной и Южной Азии; внешне стабильный социализм возник в Советском блоке и Китае; во всем остальном мире прошла деколонизация и умеренные, характерные для третьего мира версии социализма и национализма. Поражение фашизма принесло новый мировой порядок, по сравнению с которым фашистские решения казались более чем неуместными. Его устранение означало экспансию более универсальных глобализаций.